

Г Р И Г О Р И Й Л О Л И Ш

Меня зовут **ДИКСИ**

Григорий Лолиш
Меня зовут Дикси

«Издательские решения»

Лолиш Г.

Меня зовут Дикси / Г. Лолиш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935229-3

Растянувшись в цепь, мы двигались вдоль реки. Устье было каменистым, из воды торчали гладко окатанные валуны. Течение разбивалось о них, плясало, пенилось, образовывало водовороты. Буйная растительность доходила до самой реки, но у берега вилась тропа, проложенная теми, кто подобно нам, предпочитал пересекать границу без отметки в паспорте. Мокрый от пота и водной пыли, я шагал по тропе контрабандистов на затерянной в горной сельве мексикано-гватемальской границе...

ISBN 978-5-44-935229-3

© Лолиш Г.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	21
ГЛАВА 1	22
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	35
ГЛАВА 5	40
ГЛАВА 6	45
ГЛАВА 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Меня зовут Дикси

Григорий Лолиш

© Григорий Лолиш, 2018

ISBN 978-5-4493-5229-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Меня зовут Дикси. На самом деле моё имя звучит не так, но вот уже много лет все называют меня Дикси. Я к этому привык. Странно подумать, что меня могли бы звать не Дикси, а как-нибудь по-другому, пусть даже моим настоящим именем.

Я родился и вырос в южном городе, столице одной маленькой виноградной республики, как раз там, где заканчивается Европа и начинается Азия.

Как все южные города, мой город был пёстрым, многоликим и шумным. Он живописно раскинулся меж отрогами горного хребта, и, завернув за угол оживлённой улицы, нередко можно было обнаружить нависшую над тобой скалу или небольшой овраг, заросший дерезой.

Город теснили горы, но он не сдавался. Оседлав предгорья и уцепившись за каменистые кручи своими кварталами и микрорайонами, он тянулся всё выше и выше.

Улицы разбегались по холмам, пересекались ручьями, упирались в фруктовые сады. Школьниками мы совершали набеги на эти сады и возвращались домой перемазанные черешневым соком. Дикие абрикосы и тутовые деревья росли на каждой улице, и когда они плодоносили, мы вволю лакомились их сладкими плодами, расположившись на развилках ветвей в трёх, четырёх, а то и пяти метрах над землёй...

Сейчас, когда спустя много лет я сижу перед компьютером в ожидании начала торговой сессии на фондовой бирже, жизнь представляется мне открытой на сегодняшнем дне книгой. Это и есть *сегодня*. Текст здесь проступает на глазах. Предложение, ещё одно, абзац, второй, третий... Забежать вперёд нельзя, там чистые, ещё не разбитые на главы и абзацы страницы.

Зато назад можно листать сколько угодно. Там моё прошлое — детство, юность, зрелые годы. Там первая любовь и первый седой волосок, там ссоры, драки, синяки, слёзы, ошибки, поражения и победы...

Я зарабатываю на жизнь игрой на фондовых биржах. Кто-то называет это биржевыми спекуляциями. Мне не нравится слово *спекуляции*. Я предпочитаю называть это ёмким словом *игра*.

Сидя перед монитором, ощущаешь время и пространство полнее, чем когда находишься за рулём автомобиля, в супермаркете или за стойкой бара. Вот хотя бы сейчас: через несколько минут откроются биржи США и Канады. А в Европе торговая сессия в самом разгаре. В Азии — в Токио и Пекине — биржи закрылись несколько часов назад.

Торговая сессия началась. Таблицы котировок заполнились зелёным и красным цветами. Зелёный цвет означает подъём, а красный — падение.

СМИ то и дело обновляют ленты новостей. События, факты, комментарии мгновенно впитываются алчущими денег финансистами и трейдерами, которые не отрывают глаз от мониторов с котировками. Под влиянием новостей они скоропалительно открывают и закрывают позиции, то есть покупают или продают. Миллионы фьючерсных контрактов, опционов и акций переходят из рук в руки, и эти сделки ежесекундно изменяют цены в таблицах котировок.

Я смотрю на монитор и впитываю информацию, как губка.

Цены на нефть идут вниз. Натуральный газ дорожает второй день подряд.

Доллар США растёт. Вернее, падает курс других валют по отношению к курсу доллара. На фоне усиления доллара золото несколько подешевело. Механизм воздействия новостей на рынок прост. Кто-то что-то сказал. «Что-то» моментально стало информацией. Её подхватили и разнесли ленты новостей. Теракт в Ираке. Катастрофа истребителя НАТО над Западной Европой. Недружественное поглощение крупного автоконцерна. Как это отразится на рынке?

Странно, что я стал биржевым трейдером. Делячество всегда было мне чуждо. Я никогда не умел «доставать», «пробивать», «толкать» и «выгадывать». Я любил рассвет у лесного озёра

с вьющейся над поверхностью воды утренней дымкой. Любил наблюдать за, проносящимися на бреющем полёте над поплавком стрекозами, слушать стрекотанье кузнечиков на густом июльском лугу. Мне нравилось следить за перемазанными пылью полосатыми шмелями, копошащимися в цветах. И если хорошенько подумать, то я стал зарабатывать на жизнь игрой именно потому, что работать на себя означает быть свободным.

Но в этом нет никакой моей заслуги. Если бы в далёкой Мексике я не встретился с достойным сеньором Рикардо Мартинесом, всё могло сложиться по-другому.

Нашему с ним знакомству предшествовала цепь удивительных событий, подробный рассказ о которых следует сразу за прологом. А пока я немного расскажу о себе. С чего бы мне начать? Событий было так много...

Я сосредоточенно смотрю на монитор, на таблицы, графики, новости, но где-то в глубине сознания, словно орава мальчишек на заднем дворе, мелькают воспоминания. Я автоматически ворошу их, как страницы книги, и прошлое вспоминается целыми фрагментами, события включаются в памяти одно за другим, словно поочерёдно вспыхивают фонарики на новогодней электрогирлянде.

Детский сад, школа, служба в армии... Картины прошлого — это волны, которые равномерно, одна за другой, набегают на литораль памяти и откатываются назад, разгладив блестящий песок, на котором иногда остаётся какое-нибудь яркое воспоминание в виде раковины или куска коралла.

Летние каникулы мы с родителями проводили в местечке Манглиси, расположенном в горах, в шестидесяти километрах к югу от города. Это царство хвойных рощ, которые чередуются со смешанными лесами. Рощи и перелески здесь наполнены солнечными лучами. Воздух в них сух и упоителен. Он насыщен ароматами хвои и еловой смолы.

Сдача комнат городским курортникам, которые вывозили сюда на лето своих отпрысков, была одной из статей дохода местных жителей.

В этом крохотном городке, окружённом со всех сторон вековым лесом, со мной произошла одна из тех историй, которые запоминаются на всю жизнь и оказывают сильное влияние на детское восприятие мира.

Тем летом мы, как обычно, снимали комнату в одном из крестьянских домов. По утрам меня будили крики петухов, я вскакивал и, наскоро сполоснувшись из висевшего на веранде рукомойника с подвижным носиком, ещё до завтрака мчался наружу, торопясь с головой окунуться в прекрасный мир дачной жизни. Всё здесь разительно отличалось от размеренного городского существования.

Новый мир обрушивался и подавлял своим размахом, едва только я переступал порог. В воздухе веяло хвоей, к этому примешивались запахи навоза и сырого сена. По двору бродили куры и утки, в загоне похрюкивало семейство свиней, мычали коровы, лаяли собаки.

Селяне просыпаются с первыми лучами солнца, и кто-то уже стучал молотком, кто-то переговаривался с соседом через забор. Над всем этим великолепием деревенского утра простиралась бескрайняя лазурь, о которую ветерок размазывал редкие облака.

Сосновый бор начинался в нескольких десятках метров от ворот. А перед самыми воротами в загончике из металлической сетки лежал Фридон. Это был огромный свирепый пёс, чистокровный кавказец, размером с телёнка — из тех самых лохматых пастушьих овчарок, которые в одиночку справляются с парой волков.

Когда кто-то посторонний проходил мимо сетки, Фридон вставал и провожал его долгим сосредоточенным взглядом. Обходилось без истеричного лая и капающей с клыков слюны.

Единственное, что выдавало Фридона в такие минуты, — это раскрытая пасть и налитые кровью глаза.

Мне было тогда лет девять, и я отчаянно боялся Фридона и его раскрытой пасти. Когда приходилось проходить мимо его загона, я съёживался, чтобы казаться поменьше, и, глядя перед собой, торопился поскорее миновать жуткий участок.

В один прекрасный день я не знал, чем заняться с утра. Все соседские мальчишки, с которыми мы обычно в это время дня гоняли мяч, мастерили луки со стрелами или играли в войнушку, куда-то запропастились. Не находя себе никакого занятия, я с самым унылым видом слонялся по двору подальше от Фридона. В какой-то момент мне подумалось, что неплохо бы прошвырнуться до сосновой рощи. Там я мог встретить кого-нибудь из приятелей и великолепно провести время до обеда, играя в индейцев.

Выскочив на улицу, я вдохнул полной грудью воздух свободы и со всех ног понёсся к центральному входу в сосновую рощу.

Добравшись до двух каменных львов, я помчался по посыпанной розовым гравием тропинке. Подошвы моих сандалий вздымали пыль и взрывали аккуратно уложенные крохотные треугольнички и параллелепипеды гравия. Вскоре я добрался до просторной поляны, где стояли будка с газированной водой и маленький деревянный домик с вывеской «Фотоателье №7».

По поляне слонялись несколько курортников. Но никого из знакомых ребят я там не обнаружил.

Разочарованный, я поплёлся обратно. На углу безлюдной улицы околачивались дворняги. Псы были небольшие и меня не особенно беспокоили, но на всякий случай я перебрался на противоположную сторону улицы.

Когда я поравнялся с собаками, одна из них, та, что покрупнее, резво потрусила через дорогу прямо на меня, а вторая, помельче и полохматее, принялась истошно гавкать в сторону улочки, на углу которой она торчала.

Я опешил. Завидев, что первая псина бежит прямо на меня с самым недружественным видом, я припустился бегом. Пробежав пару метров, я на бегу оглянулся и струхнул по-настоящему. Из улочки, в которую призывно гавкала лохматая, выдвинулась целая стая из четырёх или пяти собак. Все они немедленно приняли участие в событиях. Действующие лица выстроились в быстро бегущую цепь, головным звеном которой был малолетний автор этих строк.

Во главе остальных псов бежала довольно крупная собака, в которой можно было сразу определить восточно-европейскую овчарку с примесью дворняжичьей крови. Отставая от неё на полкорпуса, мчались остальные. Сердце подпрыгнуло и провалилось куда-то вниз. Я увидел, что дистанция между мной и собаками тает, как мороженое, и изо всех сил заработал ногами в отчаянной надежде дотянуть до двора.

Мне оставалось пробежать каких-нибудь пятнадцать метров. Но собаки были сильнее. Я уже слышал за спиной горячее дыхание овчарки и внутренне сжался, ожидая, что она вот-вот вцепится зубами мне в ногу. Как назло, на улице никто не появлялся. Я задыхался и сбавил скорость. Сзади послышался короткий рык. «Всё!» — подумалось мне. Я остановился и, судорожно глотая воздух, медленно повернулся назад.

Овчарка резко остановилась и застыла в метре от меня. С её нижнего клыка капнула слюна. Всё поплыло, словно в замедленной съёмке. Остальные собаки тоже резко остановились, словно налетели на невидимое препятствие. Лохматая собачонка из арьергарда нерешительно тявкнула, развернулась и побежала обратно. Овчарка в упор смотрела на меня... и тут я понял, что она смотрит не на меня, а куда-то дальше, на что-то за моей спиной.

Я повернулся и чуть не потерял сознание от ужаса. В нескольких метрах за моей спиной стоял Фридон. Он был огромен. Шерсть на его загривке поднялась дыбом. Складки кожи на пасти, дрожа, приподнялись, обнажив клыки. Я оказался между двух огней. Фридон пошёл на меня. Я закрыл глаза, повернулся к Фридону спиной и, сев на корточки, закрыл руками

голову. Последнее, что я увидел, был удаляющийся хвост овчарки, которая уступила добычу более сильному.

Что-то влажное ткнулось мне в шею. «Интересно, проглотит всего целиком, как удав, или съест по частям?» — подумал я. Что-то влажное ткнулось в шею ещё раз. Я приоткрыл один глаз и повернулся. Фридон сидел, свесив от жары язык, и глядел на меня. Когда я повернулся, он лизнул меня в руку, которой я прикрывал лицо.

Тогда я сделал для себя один очень важный вывод, в истинности которого не раз убеждался впоследствии. Я понял, что мы воспринимаем действительность искажённо. Мы смотрим на обычные вещи, но наше воображение порой делает их более сложными, чем они являются в реальности. На самом деле всё куда как проще.

А с Фридоном мы подружились. Но это была особая дружба. Мы не бегали с ним по лугам и полям, не валялись в высокой траве, не гоняли в роще белок. Фридон был слишком серьёзным псом для таких глупостей.

Я просто подолгу стоял у его клетки и разговаривал с ним. Он внимательно слушал, щурился, высовывал язык и раскрывал свою страшную пасть. В один прекрасный момент до меня дошло, что он так улыбался.

А клетка его, как выяснилось, вообще не запиралась. Она была прикрыта, но не заперта, и он мог выйти, когда того хотел.

«Умнейший пёс, — сказал как-то его хозяин моему отцу, — доброго человека не обидит, но злему спуску не даст».

Первую свою сделку я «провернул» в третьем или четвёртом классе. Нужно сказать, что сначала я учился в школе неподалёку от дома. Родители работали, и меня некому было встречать после уроков, вести домой, кормить, развлекать, следить, чтобы я не болтался по комнатам и не играл в солдатиков, а делал домашнее задание.

Вариант, при котором я возвращался бы домой один, даже не рассматривался. Я тщетно молил и клялся быть прилежным и аккуратным, не терять ключи, переходить улицу подземным переходом, не торчать во дворе, а сразу подниматься домой, делать уроки. Я уговаривал, ныл, дулся, канючил, униженно заглядывал в глаза, всем своим видом выражая покорность. Ничего не сработало, и меня перевели в школу продлённого дня в другом районе города. Туда нужно было довольно долго добираться на автобусе.

Это была усиленная продлёнка. Первую половину дня занимали уроки, как в обычной школе. После уроков нас кормили в столовой (первое, второе, компот). Затем два часа мы проводили во дворе под присмотром дежурного учителя. Осенью и весной мы играли в футбол и другие весёлые игры: «Выбивалки», «Казаки-разбойники», «Птичка на дереве» или просто удирали со школьного двора и шатались по окрестностям. Кроме того, в хорошую погоду нас частенько водили в центральный городской парк — Парк Победы, неподалёку от которого находилась школа.

В непогоду мы возвращались после обеда в класс, где дежурный учитель организовывал какое-нибудь развлечение, например читал нам вслух сказки.

В 16:00, опять же под присмотром препода, мы начинали организованно готовить домашнее задание. В 18:00 прибывали мамы, папы или бабушки и разводили нас по домам.

В новой школе у меня сразу появились друзья. Особенно я подружился с двумя мальчиками — высоким начитанным Никушей и маленьким смешливым Лёвой.

Никуша хорошо рисовал. Одним из наших любимых развлечений было смотреть, как он рисует великана, на которого взбираются маленькие человечки (мы и другие одноклассники).

Излишне упоминать, что при этом Никуша, Лёва и автор этих строк проявляли чудеса ловкости и мужества. Как правило, мы стояли на полях великанской шляпы и спускали остальным мальчикам и девочкам из нашего класса верёвочные лестницы.

Иногда мы втроём лихо высаживались на шляпу с вертолётa. Но остальные по-прежнему напряжённо сопели где-то внизу, силясь взобраться на сапог, или вопили: «А-а-а!», сваливаясь со шпоры.

Никуша увлечённо рисовал, высунув от напряжения язык, а мы с Лёвой внимательно следили за каждым карандашным штрихом, подсказывая художнику всё новые и новые варианты развития событий так резво, что грифель карандаша перемещался по бумаге со скоростью света.

Ситуации, в которые мы помещали одноклассников, зависели от наших с ними взаимоотношений. Те, с кем мы дружили, демонстрировали относительную ловкость и смекалку, хотя и не могли угнаться за нами. Недруги же копошились внизу, срывались, падали, проваливались, постоянно писались и какались от страха.

«Веник пусть провалится в сапог и орёт оттуда», «Павля за пряжкой ремня застрянет, а Куприк на него с верхней пуговицы писает», «Димдимыч — добрый мальчик, будто бы на плече стоит уже», «Асланчик пускай протянет руку Лариске, а с него штаны свалились, и он обкакался...»

Мы давились от смеха, хватались обеими руками за животы, валялись на парты, привлекая тем самым внимание остальных. Дело вполне могло кончиться дракой.

В один прекрасный день нам удалось обмануть бдительность дежурного учителя и сразу после обеда удрать через дверь на заднем дворе. Не помню уже, было ли это осенью или весной, но на дворе стоял чудесный солнечный денёк.

Сначала мы просто шатались по улице, наслаждаясь неожиданной свободой. Потом нам захотелось большего. Мы прошли до конца улицы, на которой находилась школа, и вышли на большой проспект.

Жизнь раскинулась перед нами во всём своём великолепии. По тротуарам сновали прохожие. Люди ожидали автобусы, заходили в кафе посидеть за чашечкой кофе «по-турецки» или выпить стакан газированной воды и съесть пончик с заварным кремом.

Кофе «по-турецки» готовили в «турках» — медных кофейниках с длинными деревянными ручками. Кофейник помещался на раскалённый песок, которым была заполнена металлическая коробка на ножках. Время от времени кофейники передвигали в песке, так чтобы они зарывались в песок. Как только кофе закипал, кофейник снимали с песка. Затем кофе переливали в чашечку, и официант уносил кофе клиенту. Процедура приготовления занимала не более трёх минут.

С улицы были видны конусообразные стеклянные ёмкости с сиропом. Обычно их было три — с зелёным (тархуновым) сиропом, с красным (кахури) и с жёлтым (лимонным). Продавщица в белом фартуке и с кружевным бантом плавно поворачивала рычажок у сужающегося основания колбы, подставляла маленький стаканчик (вроде стопочки для водки), заполняя его густым сиропом. Затем она брала обыкновенный гранёный стакан, переливала в него сироп из стопочки и заполняла стакан газированной водой из краника, расположенного где-то под колбами с сиропом.

Струя газированной воды врзалась в сироп и размешивалась с ним, приобретая нежно розовый, зеленоватый или лимонный оттенок. Справа от продавщицы за стеклом прилавка рядами лежали трубочки с кремом, пирожные с повидлом и горячие пирожки.

Гулять нам немедленно расхотелось. Мы испытали непреодолимое желание принять участие в этом празднике жизни и съесть трубочку с кремом или пирожок. Закрывая глаза, мы представляли, как душистая газировка приятно щиплет язык.

Денег у нас не набиралось на четыре стакана воды с сиропом и столько же пирожных. Стакан газировки с сиропом стоил тогда 5 копеек, а пирожное — 22 копейки. Итого выходил рубль с мелочью. Нам такие деньги казались целым состоянием.

То есть родители, конечно, выдавали нам копеек по двадцать на школьный буфет, в котором булочка с сосиской, «треугольник» с повидлом, или сладкий коржик стоили по 10 копеек. Но эти средства, как водится, были до остатка промотаны во время большой перемены, и финансовый кризис, о котором пару минут назад мы и не подозревали, поразил нас со всей своей остротой.

Складывалась классическая макроэкономическая ситуация. Наши потребительские желания не совпадали с возможностями. Мы хотели и были готовы покупать, но не обладали капиталом, то есть не было условий для создания спроса.

Шла игра в одни ворота — продавцы предлагали товар. Дальше этого дело не шло. Царило одно предложение. Спрос равнялся нулю. Для возникновения спроса требовался капитал. Рубль с небольшим.

Но тогда никто из нас не имел понятия о макроэкономике. Всё, что нам было нужно, — съесть пирожное и запить его стаканом газировки с сиропом. Немедленно. Позарез. Прямо сейчас.

Спасение пришло неожиданно. Судьба подбросила счастливый билетик и не позволила нам помереть от слюнотечения.

Кому из нас пришла в голову криминальная идея — не помню, да и суть не в том. Мы завернули в ближайший двор, заставленный дощатыми ящиками с пустыми бутылками из-под лимонада. Народу не было, и мы, прихватив два ящика, сдали стеклотару в первом же гастрономе. Нам выдали два рубля с мелочью.

В школе было много дел. Взять хотя бы большую перемену. Первым делом мы неслись в буфет и подкрепляли силы. После этого во дворе мы с Димдимычем мерялись силами. Это происходило изо дня в день. Каждую большую перемену мы с ним выясняли отношения. Нас окружали одноклассники и начиналось:

- Ты кто такой?
- Сам кто такой?
- Ты как разговариваешь?
- Как хочу, так и разговариваю!

Это было непробиваемым аргументом, на который возразить было нечего, и мы переходили к следующему этапу — обхватывали друг друга за шею и пытались повалить на землю. Мы сопели, толкались, ставили друг другу подножки...

При этом со всех сторон неслись советы знающих людей: «Вали его, вали!», «Подсечку ставь!», «Давай, давай!», «Не поддавайся!»

Раздавался звонок, мы немедленно отцеплялись друг от друга и потные, красные бежали в класс, застёгивая на бегу расстегнувшиеся в борьбе рубашки. На следующий день всё повторялось. Очень долгое время никому из нас не удавалось взять верх.

В один прекрасный день я наконец победил. Мне удалось повалить Димдимыча на землю. Он рухнул, как мешок с картошкой, я свалился на него и, вцепившись, как клещ, удерживал несколько секунд «на лопатках», что являлось неременным условием.

Потом мы поднялись и пожали друг другу руки. Одноклассники со всех сторон стучали меня по плечам, я испытывал необычайную гордость. Это было то самое сладкое чувство победы, от которого долго-долго легко и приятно на сердце.

С Димдимычем мы не только не поссорились, а наоборот, после этого подружились на всю жизнь. Из-за чего мы весь тот школьный год выясняли отношения? Как водится — из-за дамы. Наша одноклассница Наташа, худенькая девочка с двумя косичками, даже и не подозревала, какие страсти из-за неё разгорались на больших переменах.

Разумеется, это было самой простой школьной влюблённостью. Мы тогда учились в третьем классе и даже не подозревали о «взрослых» взаимоотношениях между мужским и женским полами.

Все узнают об «этом» по-разному и в своё время. Вскоре после триумфа на школьном дворе «моё время» настало. Не знаю, сколько времени ещё я бы оставался в неведении и верил, что главная цель влюблённого мальчика — оказываться в одной паре с интересующей его девочкой во время школьного похода в парк, но в дело вмешался случай.

В тот день я дежурил по классу. Вместо того чтобы приготовить к следующему уроку мокрую тряпку и мел, всю перемену я весело носился с одноклассниками по коридору, насканывая на девчонок и испуская при этом дикие вопли.

Когда начался урок, математичка устроила мне как дежурному выволочку и отправила в учительскую за мелом. Учительская находилась на другом этаже, и переться туда мне было лень. Вместо этого я сходил в умывальник и околачивался там минут десять, чтобы потянуть время и подольше не возвращаться на урок.

Затем я направился в кабинет зоологии. Такого предмета у нас ещё не было, но этот кабинет был самым интересным в школе местом. Обычно он бывал заперт, но в замочную скважину виднелись чучела зверей — волка, барсука, каких-то птиц. Всё это отдавало духом приключенческих романов Джека Лондона, Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, которые мы тогда только-только начинали открывать для себя. И частенько на переменах бегали к заветной двери.

Я приник к замочной скважине, но вместо зверей увидел учительницу природоведения. Она положила голову на парту, так что лицо её находилось прямо перед дверью, и, прикрыв глаза, тяжело дышала. Я было решил, что у неё какое-то несчастье, и хотел тихонько ретироваться, но в этот момент она открыла глаза и, отвернувшись от двери, что-то тихонько прошептала, из чего я понял, что в кабинете был кто-то ещё. Я прижался к скважине изо всех сил и разобрал, что Лариса Николаевна не сидела за партой, а стояла над ней, опустив голову и опираясь руками, а сзади стоял школьный физрук и странно двигал всем телом. При этом руками он держал Ларису Николаевну за поясницу и то притягивал к себе, то отталкивал от себя. В общем, происходило что-то непонятное, и я решил, что Ларисе Николаевне стало плохо, а физрук оказывает ей первую помощь. Это предположение окрепло и превратилось в уверенность, когда физрук достаточно сильно шлёпнул Ларису Николаевну ладонью по мягкому месту. «В чувство приводит, — с уважением подумал я, — наверное, вроде пощёчины, чтобы истерику прекратить».

Я тихонько, чтобы не скрипнула дверь, оторвался от скважины, подался назад и помчался наконец за мелом. На перемене я поделился увиденным с Димдимычем, он с кем-то ещё, тот ещё с кем-то...

Когда новость дошла до старших, послушать меня явилась целая делегация из девятых и десятых классов. Меня поставили на стул и попросили рассказать всё, что я видел, а потом засыпали подробнейшими вопросами, уточняя детали. Сначала я польщённо робел, но потом вполне освоился и даже предположил, что физрук оказывал медицинскую помощь.

«Умеет! В чувство, наверное, приводил», — поделился я своим умозаключением.

Это вызвало припадок необузданного веселья. Старшеклассники гоготали, ржали, как кони, давились от смеха, стонали: «Во даёт!», валились в судорогах на парты и долго поощрительно хлопали меня по спине, а потом взяли... и просветили.

Я тогда ничему не поверил. Они рассказывали совершенно невероятные вещи!

Воспоминания о детстве затёрты в памяти. Они размыты, словно задний план портретной фотографии. Прошло слишком много времени. Служба в Советской армии и студенческие годы тоже порядком замылены временем. Ну вот что я помню об армии? Помню песню «У солдата выходной», которую мы пели по команде «Запевай!»...

Два года срочной службы были какой-то непрекращающейся суматохой. Нас постоянно куда-то гоняли строем. Всё было очень сложно. Мы не просто ходили на работы или в наряд и возвращались оттуда, а «убывали» и «прибывали». Если мы куда-то шли, то мы «направлялись». И всё время пели про солдата, у которого выходной.

При этом нас самих выходных регулярно лишали. В воскресенье обычно устраивали паркохозяйственный день, и мы, облачившись в танковые комбинезоны, без энтузиазма возили щётками по броне пусковых установок.

Танкачи на нас были такими ветхими, что, в принципе, можно было воевать без ракет. Выстроить нас перед неприятелем в перемазанных солидолом дырявых бушлатах, давно потерявших цвет и форму, заношенных многими поколениями служивших до нас солдат, с обгорелыми в печках обшлагами рукавов, с вылезавшим бесформенными клочьями из дыр ватным утеплителем...

Любой неприятель принял бы нас за нечистую силу и с такой первородной силой навалил в штаны, что любо-дорого было бы посмотреть.

Кормили нас три раза в день. Понятное дело, в столовую мы опять же «прибывали» строем и пели про счастливого солдата, у которого имелось всё, что нужно для солдатского счастья: выходной, девушки, эскимо.

Поющие подразделения повзводно выстраивались перед пунктом приёма пищи. При этом мы продолжали маршировать на месте, ожидая команду: «Стой! Раз-два».

Маршируя, принимались к запахам из столовой, определяя, что на обед. Если улавливали тяжёлый запах варёного коровьего вымени, настроение портилось. Столовые начальники часто безнадёжно портили вермишель или пшённую кашу этим субпродуктом.

В армии мы постоянно испытывали два сильных чувства: чувство голода и чувство недосыпа. Но каким-бы голодным я ни был, есть варёное вымя я так и не смог себя заставить. Оно отвратительно пахло, и, стараясь не дышать, мы старательно выковыривали его из вермишели. К сожалению, вермишель после этого сильно сокращалась в количестве.

Мясо крали все кому не лень, до нас оно не доходило, а чтобы снабдить организмы солдат положенным по армейским инструкциям количеством белка, в каши обильно добавляли размороженное и сваренное коровье вымя.

Когда наши носы не улавливали запаха вымени, настроение улучшалось и даже маршировать на месте было не так противно, как обычно. После команды: «Стой! Раз-два» мы переставали тупо колотить подошвами по асфальту и замирали, пожирая глазами вход в столовую.

Чтобы войти в это святое место, следовало дожидаться команды дежурного по части: «Головные уборы снять! Справа, слева по одному в столовую бегом марш!»

Заслышав это, проголодавшийся личный состав церковно обнажал головы и двумя муравьиными потоками — слева и справа — забегал в помещение.

Если кто-то слишком возбуждался близостью пищи, забывал обнажить голову и снимался с места в головном уборе, следовали команды: «Отставить! Становись! На месте шагом марш!» — и всё начиналось заново.

За серьёзное нарушение дисциплины — к примеру, если кто недостаточно энергично маршировал на месте — всё подразделение могли отправить нагуливать аппетит вокруг плаца. Разумеется, опять же с песней про того сукина сына, который жрёт эскимо.

Пройдя предварительные мероприятия, мы наконец вбежали в храм Лукулла. Добежав до своего стола, каждый замирал, вытянув руки по швам. Здесь организовывалось новое построение. Все занимали места перед накрытыми столами и, не отрывая глаз от кастрюли с супом, трепетно ожидали команды: «Садись!».

После этого можно было наконец опуститься на стул. Но прикоснуться к сиденьям солдатские задницы обязаны были синхронно, аккуратно и, главное, без грохота стульями о пол. Неумение правильно садиться влекло за собой команду: «Отставить». Тогда всё начиналось заново. Задницы отрывались от стульев и тренировались достигать их единым бесшумным порывом, словно от этого зависела обороноспособность государства.

Но даже тогда, когда слух дежурного улавливал заметный прогресс качества опускания на стулья, всё равно на столе нельзя было ничего трогать руками. Стартовали по команде: «Раздатчикам пищи встать». За каждым столом имелся свой «сухофрукт» — раздатчик пищи из новобранцев.

«Сухофрукты» по команде вставали, и если качество вставания было хорошим (в противном случае неутомимый дежурный их опять же тренировал), следовала новая команда: «К раздаче пищи приступить!» — и мы перемещались на новый уровень обеденного церемониала.

Раздатчик уныло погружал поварёшку в кастрюлю, наполнял миски и поочерёдно вручал сидящим за столом.

Иногда в горячей воде с разведённой томатной пастой и плохо очищенным картофелем попадался «мосёл» — кость с миллиметровым обрезком мяса или сухожилий, которую за ничтожную калорийность побрезговали скоммуниздить повара и хлебoreзы.

На этот редкий случай имелось неофициальное правило. Все не выловленные поварами и хлебoreзами мослы следовало безусловно отдавать «дедам» (старослужащим, прослужившим больше года). Нужно сказать, что деды за исполнением этого правила придирчиво следили. Получив суп, дед первым делом двумя пальцами вылавливал «мосёл» (ну в том редком случае, когда он там был), оглядывал его со всех сторон, соображая, с какой стороны можно вернее выжать крупицу белка, и вгрызался в кость. При этом он так напрягался, что становилось страшно.

Остальные хватались за ложки и принимались ими торопливо орудовать, так как проглотить обед следовало в мгновение ока. Время, отведённое на питание, было сильно урезано тренировками правильной маршировки и посадки, и уже подходила пора команде «Закончить приём пищи! Выходи на улицу строиться!».

Компот из сухофруктов, который вливали в себя, уже поднимаясь из-за стола после команды, всегда был несладким. Не недослащенным, что ещё было бы объяснимо, а совершенно несладким, пресным. Я никак не мог постигнуть — почему? Ведь вещи обязаны отвечать своим характерным признакам. Дождь — мокрый, лимон — кислый, компот — сладкий. Пресный компот не укладывается в природу вещей.

Попав в свой первый наряд по кухне, я раскрыл эту тайну.

Компот варился в огромном котле, на котором внизу имелись краны для слива. Повара исправно засыпали сахар в котёл, а регулярно размешивать его им было лень, и сахар скапливался на дне котла, где медленно таял.

Но растаять он не успевал. Приходили «блатные» — хлебoreзы, работники продсклада, шофёр командира части — словом, те, с кем поварам выгодно было поддерживать хорошие отношения.

Блатные приходили в разное время, но все совершали одну и ту же процедуру. Жарили себе картошку с томатной пастой и мясом, выловленным из общего котла, а затем брали чайник

и заполняли его недоваренным компотом. Краник на котле находился внизу, и весь сахар уходил блатным. Они вливали в себя пару стаканов невыносимо приторной, густой от сахара жидкости, и выливали остальное. К обеду сахара в котле не оставалось. Личный состав довольствовался несладкой кипячёной водичкой, в которой плавали пресные разваренные сухофрукты.

Сержанты в части были с огоньком. В дело обучения личного состава младшие командиры вкладывали всю душу. Их энтузиазм не имел границ, вдохновение было неисчерпаемым, энергия была ключом.

Процесс обучения был построен на интеллектуальных упражнениях, направленных на развитие способностей к познанию и решению трудностей. Очень полезными умственными упражнениями были удержание табурета вытянутыми руками в положении полуприседа с одновременным получением ударов по почкам, превращение новобранца в боксёрскую грушу, на которой сержанты в каптёрке отрабатывали удары ногами, гладиаторские бои молодых солдат, во время которых сержанты устанавливали условия остановки поединка — скажем, требовалось непременно разбить сопернику нос, или расплющить спинкой кровати ему пальцы на ноге, или оставить след зубов на мочке уха.

Эти весёлые армейские забавы были известны с незапамятных времён и обкатаны сотнями тысяч деканов, центурионов, унтер-офицеров, капралов и сержантов. Всё было старо как мир, и, казалось бы, изобрести что-нибудь новое невозможно.

Ан нет! В ремроте нашёлся кудесник с двумя лычками, доказавший силу человеческой мысли. Он прославился тем, что придумал новое эффективное упражнение для выработки новобранцами стратегии достижения цели.

Целью было (пардон) потереться куском газеты (туалетной бумаги советским солдатам не полагалось) после... В армии, где, как известно собираются исключительно культурные люди, это культурно называлось «оправиться».

Оправляться, как и принимать пищу, маршировать и подшивать подворотнички, следовало не абы когда, а в специально отведённые для этого полезного мероприятия часы и коллективно.

Подразделение прибывало в сортир, рассаживалось по кабинкам и дружно делало своё дело. После этого начиналось веселье. Сержант командовал встать и построиться. Подразделение с опущенными штанами выстраивалось в линию. Сержант обходил строй и раздавал каждому по куску газеты.

Финт ушами был в том, что брать эту газету и орудовать ею требовалось не рукой, а ногой.

Новобранцы ракетных войск СССР, с трудом удерживая равновесие, поднимали одну ногу и принимали обрывок газеты, зажав его большим и средним пальцем ноги. После этого они пытались использовать его по прямому назначению.

Рекруты учились военному делу со всем старанием: они подпрыгивали, хватались друг за друга руками, то и дело падали на пол; сержант радостно смеялся, огромная страна спала, чувствуя себя в безопасности под охраной доблестных ракетчиков, — в общем, всё шло неплохо. Правда закончилось это плачевно. Когда сержант попытался организовать такой спектакль в третий или четвёртый раз, терпение у строя лопнуло.

Подразделение повалило младшего командира на пол и обрушило свои неподтёртые задницы (вместе с остатками боеприпасов) прямо на него.

Каждому не терпелось оказаться в первых рядах и оставаться там как можно дольше, так, что в порыве коллективного энтузиазма в щепки разнесли несколько фанерных перегородок между кабинками.

На шум прискакал дежурный по части и в воздухе материализовался резонный вопрос: «Отставить! Смирно! Какого боуя разгромили сортир, бля?!» Начальство принялось копать, и всё это «подтирательство» выплыло наружу.

Командир части дал ход делу, закрутились колёса военной прокуратуры, и весёлый рационализатор очень быстро оказался в дисциплинарном батальоне. Нескольких сержантов разжаловали и посадили на губу, а командира ремроты — капитана — исключили из партии.

К чему я вспомнил о паршивом во всех отношениях случае?

На стволе этого дерева очередная зарубка: «Помнить!»

Сортирный сержант призвался в одно время со мной. Мы с ним вместе проходили курс молодого бойца, дружили, ругали армейскую муштру и мечтали о далёкой от нас тогда мобилизации. Он был совершенно адекватен, вежлив и дружелюбен. После окончания курса молодого бойца и принятия присяги наши пути разошлись. Я попал в огневую часть, а он в ремроту. Иногда мы пересекались, на ходу обменивались рукопожатиями и вели умные разговоры: «Здорово, кирза!» — «Привет, шуруп!» — «Как служба?» — «Я сплю, она идёт!»

Как он дошёл до жизни такой? Какую часть мозга у него замкнуло и отчего? Но вот, оказывается, бывает и так. Живёт нормальный человек. И вдруг как вольтанётся!

Той ночью спать я пристроился на транспортно-загрузочной машине — тэзээмке. На её кузове между торчащими во все стороны креплениями для «изделия» (кодовое название ракеты) под брезентом есть немного свободного места.

Жестковато, но тогда я не променял бы этой «постели» даже на ложе Гарун аль Рашида. И это сказано не ради красного словца! Вот, посудите сами — какой мне был в той ситуации прок от ложа Гарун аль Рашида? Я так устал, что, где бы ни заснул, всё равно ночь будет длиться ровно одну секунду — не успею закрыть глаза, как раздастся ненавистный вопль сержанта: «Батарея, подъём!» — и будет утро. К тому же перебираясь с тэзээмки на ложе Гарун аль Рашида, я потерял бы с десяток драгоценных секунд, которые можно поспать.

Чувствуя себя баловнем судьбы, я положил «калашников» рядом с собой и с наслаждением расстегнул режущий живот ремень, на котором висели подсумок с двумя рожками к автомату и штык-нож. Сразу стало значительно легче.

Перед тем как я провалился в сон, перед глазами промелькнуло тёмное небо, по которому равномерно ползли тёмно-сизые тучи. В следующую секунду я уже спал — в армии бессонницей не страдают.

Накануне нас подняли по учебной тревоге в три часа ночи. Тревоги бывают разные. Каждая тревога — это сволочная хлопнушка с сюрпризом. Никогда не известно, что внутри, пока не хлопнет по сонной солдатской голове.

Бывает так, что наспех расхватавший автоматы и вещмешки, дрожащий от ночного холода и одуревший от недосыпа личный состав отправляют обратно по тёплым кубрикам сразу после построения у здания казармы. Такая «тревога» не страшна. Она делает сон ещё более приятным, потому что трудно передать то блаженство, которое испытывает организм, удобно устроившийся после такой «тревоги» снова в постели.

Бывает и так, что личному составу приходится бежать до технопарка, заводить бронетехнику и выводить её из хранилищ. И тут же по команде «Отбой» загонять обратно в хранилища. Такая «тревога» похуже, но это «тревога» в полбеда. Она сильно сокращает время сна, но после неё ещё можно немного поспать.

Самая неприятное, когда после вывода техники из хранилищ вместо команды «Отбой» раздаётся команда: «Выезд в запасной район».

Это труба!

Заслышав эту команду, личный состав соображает, что поспать в эту ночь больше не придётся, и начинает тоскливо материться. И его (личный состав) вполне можно понять. Вместо тёплых постелей остаток ночи предстоит провести в самоходных установках, затем высадиться в голой степи и день, два, а то и все три до седьмого пота заниматься в полевых условиях тактической и физической подготовкой.

На этот раз в хлопущке оказался «Выезд в запасной район». Сценарий обычный: около пяти утра прибыли на место, каждая батарея нашего дивизиона заняла свой участок, и мы принялись добросовестно месить слякоть прокисшей от дождя степи.

Весь день под проливным дождём обустроивали огневые позиции, возились с маскировочными сетями, рыли щели для Пункта воздушного наблюдения, углубляли траншеи, которые на глазах заполнялись водой и обваливались.

В восемь вечера комбат выстроил шатающийся от усталости, чихающий и кашляющий личный состав и разрешил спать. Палатки подвезти нам забыли. Каждый устраивался, как только мог, в следующую же секунду забыв слова комбата быть начеку и помнить о том, что «на соседнем участке находится батарея „буева кренделя“ майора Седова, который любит в полевых условиях побаловаться ночными вылазками в расположения соседей...»

Сирена СНР (передвижная Станция наведения ракет) разорвала ночной покой степи. Мне показалось, что это произошло в следующую секунду после того, как я закрыл глаза. Наверное, то же самое испытывал каждый в батарее. На самом деле утренний холод говорил о том, что уже должно быть около четырёх утра.

— Батар-р-рея! Тр-р-ревога! Стр-р-роиться! — трендел в темноте «замок» сержант Буриллов, не досмотревший сон про свою далёкую Калмыкию.

— Я предупреждал, чтоб часовые не спали! — хрипло орал грузный усатый комбат перед строем. — Рядовой Шакаев, три шага вперёд!

Володя Шакаев, уныло опустив голову, замер перед комбатом.

— Где автомат?

— Забрали товарищ капитан.

— На массу давил? — спросил комбат тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Никак нет.

— Вот не надо этого! Давил! Ну и куда делись эти клоуны? Сколько их было-то, циркачей буевых?

— Трое или четверо. Туда вон вроде побежали.

— Вроде, — проворчал комбат, успокаиваясь (в общем, он был хороший мужик). — Вот вернёмся в часть, ты у меня из караулов до самого дембеля не вылезешь. Причём исключительно с первого поста! Стною тебя у Красного Знамени. На самом почётном посту! Весь твой призыв дембельнётся, а ты, будешь нести службу у Красного Знамени. Ты к этому готовься. Я тебе, Шакаев этот автомат долго буду помнить. Ты вообще не солдат. Ты задница! А в армии на каждую хитрую задницу всегда найдётся буй с винтом.

В строю раздались жидкие смешки. Каждый слышал всё это много раз в свой адрес, но всё равно было смешно, когда ругали другого.

— Внимание! — продолжал гремять комбат. — Автомат должен до утра вернуться в расположение батареи! Пешком бы они не притопали. Подъехали на грузовике с потушенными фарами, оставили его где-нибудь в полукилометре и потопали к нам, чтобы тёпленькими взять, да по пути наткнулись на этот спящий чебурек и прихватили его автомат. А утром комбригу доложат: во второй батарее херовенько организована охрана. Короче, сейчас всем искать противника. Пока автомат не вернётся в батарею, никто спать не будет. Клименков, возьми полстада этих баранов, на которых по ошибке надели военную форму, и прочеши с той стороны, — приказал комбат лейтенанту — командиру пусковой установки. — Остальные полстада бара-

нов со мной. Буриллов с механиками-водителями останутся охранять позицию. И боже вас упаси — слышите? — боже вас упаси потерять ещё хотя бы один патрон.

Растянувшись в цепь, с незаряженными автоматами мы брели по слякоти, в которую превратилась землянистая поверхность степи. При каждом шаге ноги увязали по щиколотку. Сапоги уже со вчерашнего дня перестали держать воду, и в них было полно воды. Хотя и любят трепаться замполиты, что «сорок лет назад в таких сапогах деды Берлин брали», а всё равно воду кирза держит плохо. Сорок лет ведь прошло — неужели компартия не могла сапоги армии поменять?! Ведь восемьдесят шестой год на дворе — в космосе противоракетное вооружение разворачивают, а солдаты всё ещё в кирзовых сапогах! Как и в сорок пятом!

Слева и справа в предрассветном мареве маячили силуэты Цыпляева и Димидова, дальше ещё и ещё кого-то.

В голову лезли ужасные мысли.

«А вдруг никакой гражданской жизни вообще не существует, вдруг всё доармейское существование — это мистификация, которую разработали в Особом отделе и гипнотическим способом втиснули в голову каждому солдату? Чтобы перед ними брезжила надежда, что когда-нибудь этот кошмар окончится...

Но откуда тогда берутся письма, которые получает личный состав? Неужели их тоже пишут в Особом отделе?! И куда в таком случае девают дембелей?»

Справа раздался окрик. Кто-то метнулся в сторону, вдоль цепи. Все бросились туда, сбились в кучу. Бикбатыров и Завгородний держали кого-то из чужих. Цветков из первой батареи!

Подбежали комбат с лейтенантом.

— Смотри-ка, лейтенант, кто к нам пожаловал! Как твоя, боец, фамилия? Погоди-ка, я тебя знаю... Ты этот... то ли Белкин, то ли Зайцев. Что-то такое звериное... Не Коровин? Как-как? Цветков? Ну да, точно, Цветков! Помню же, что звериная фамилия. А где остальные?

Цветков молчал. От усталости и недосыпа у него, очевидно, что-то сместилось в голове, и он решил что всё происходит взаправду.

— Ну, говори! — шутливо, но грозно рявкнул комбат. — А то ведь расстреляю нах!

Комбат успокоился. Теперь всё равно, где Седов. Пусть хоть до утра мокнет. Они с ним сквитались за похищенный автомат. Теперь Седов не станет ничего докладывать комбригу. Сам облажался — потерял бойца в полной выкладке. Утром они по-тихому обмениваются трофеями.

— Батарея, назад, в расположение позиции. А этого... «военнопленного» стеречь хорошенько. Клименков, головой отвечаешь.

Я подошёл к «военнопленному»:

— Чего это вам не спится? Или Седова совсем с резьбы сорвало?

— Закурить есть? — не отвечая, мрачно спросил Цветков. Я достал пачку хороших молдавских сигарет «Глория».

— Богато живёшь — «Глорию» куришь, — позавидовал Цветков.

— Да то мне Бикбатыров в карты проиграл на прошлой неделе. А в чайную как раз «Глорию» завезли. Такой фарт! Так что не спите то?

— Седова не знаешь? Ваш-то мужик! Небось, в десять уже «отбились»?

— В восемь, — не без гордости ответил я.

Цветков завистливо вздохнул.

— Вот видишь. А мы до одиннадцати лопат из рук не выпускали. Потом он и говорит: «Ну чего, орлы, подремлем до трёх часов, а затем организуем нападение на вторую батарею. Они, — говорит, — что-то рано огни потушили. Покажем им, как в полевых условиях онанизмом заниматься».

За разговором незаметно притопали обратно. Я посмотрел на часы: без пятнадцати пять. «В полевых условиях нет подъёма в семь часов. Комбат даст поспать часов до восьми, а то

и до девяти — сам, небось, вымок и устал», — подумал я, устраиваясь на давешнем месте под брезентом.

Последнее, что услышал, перед тем как заснуть, был диалог между Клименковым и Цветковым:

— Точно не сбежишь? А то, честно говоря, очень спать хочется.

— Смеётесь, товарищ лейтенант? От своего счастья бежать? Тут у вас хоть поспать можно, а у нас какой сон?! Спокойной вам, товарищ лейтенант, ночи.

Я собираюсь прикупить акции одной американской фармакологической компании. Это и станет для меня сделкой дня.

Я мелкий инвестор, и мне нужно работать гиперактивно, то есть осуществлять быстрые операции. Купил подешевле, продал подороже в тот же или на следующий день. Это называется «быстро открывать и закрывать позиции». А ещё это можно назвать так: снимать пенки. Но для этого требуется пустяк — сделать правильный ход. То есть угадать. На биржах ценных бумаг торгуются тысячи акций, и какие-то из них принесут прибыль, а какие-то — убыток.

Фирма, о которой я говорю, работает над созданием противоонкологического препарата. Завтра ожидается публикация её бухгалтерских отчётов за квартал. Я давно держу эту компанию в списке фаворитов, и судя по той информации, которую удалось надыбать в Сети, неприятных сюрпризов не будет.

А если завтра не произойдёт неприятных сюрпризов, стало быть, отчёты будут позитивными и цена на акции сразу подскочит. Нужно продумать ещё раз все риски, взвесить «за» и «против». А начну я, пожалуй, с того, что пересмотрю её отчёты и новости за прошлые периоды. При этом оставляю её в поле зрения на мониторе, чтобы сразу увидеть, если ситуация на торгах станет меняться.

Вот график цен за последний год. Нужно просмотреть график цен за год, за полгода, за месяц, за неделю. Все эти отрезки дадут разную информацию. На большом графике — скажем, за год — проявляются одни тенденции, на малых — за месяц или неделю — совершенно другие.

Сейчас графики говорят о том, что цены довольно долго шли вниз, а в апреле резко подскочили. Кривая, коснувшись уровня в 3,52, оттолкнулась и, набрав высоту, за день достигла отметки в 4,12. Ого! Что там произошло? Что обусловило такой резвый рост? Нужно открыть страницу новостей компании за апрель. Так-так. Компания объявила о получении крупного государственного гранта. Это вызвало оптимизм инвесторов, и они набросились на акции, как голодная рыбёшка на брошенную в воду хлебную корку. Под напором покупательной волны цены резко пошли вверх.

Я смотрю на монитор и ищу ответы на многие вопросы. В то же время я живу и другой жизнью: слушаю новости, отхлёбываю чай, думаю, что подарить Джейн на годовщину нашей свадьбы, и ворошу в памяти страницы прошлого. Теперь я листаю их не в хронологическом порядке, а как придётся. Меня охватывает волна возбуждения от предстоящей покупки акций. Вход в игру всегда действует на меня, как энергетический напиток. Я начинаю дрожать, но мысль работает чётко и плавно.

Опять вспомнилась Мексика. Именно там сеньор Рикардо Мартинес обучил меня премудростям биржевой игры. Это было сделано в благодарность о небольшой услуге, оказанной мной его племяннику.

«Я не предлагаю вам денег чтобы не обидеть вас. Поступим по-другому — я дам вам знания, которые всегда прокормят», — сказал он.

Мексика. Сколько там было событий! Как давно это было, как хорошо сохранилось в памяти...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Так знайте же, мне нечего терять.
Ко мне судьба относится враждебно,
И всё моё богатство # в той одежде,
Которая на мне...*
Уильям Шекспир. «Два веронца». Акт 4, сцена 1

ГЛАВА 1

Город изнывал от зноя. Небо над ним таяло и синевато-белым маревом стекало на раскалённые крыши. Ярусом ниже, по горячим тротуарам, в поисках воды слонялись одуревшие от жары дворняги.

Открытые окна моей квартиры выходили на одну из самых оживлённых улиц Мехико — Букарелли. В любое время дня в квартире царил уличный шум. В нём смешивались разные звуки — шум автомобильных моторов, скрип тормозов, окрики, лай.

Дневная жара терзала город, а город терзал свою гитару. Взятые им аккорды воплощались в человеческие конфликты, диалоги, пантомимы, драмы и комедии, в которых извергались страсти, взрывались эмоции, рушились надежды и вздымались горные хребты амбиций. Всё это происходило одновременно повсюду, и сливалось в несмолкаемую какофонию, которая проникала в тысячи открытых окон, одним из которых было окно моей комнаты.

Стоит уточнить, что квартира принадлежала не мне, а дону Пабло, а я занимал всего одну комнату в этих обширных апартаментах. Несмотря на это обстоятельство, как и на то, что в квартире проживали другие квартиросъёмщики, я называл её «моя квартира».

После семи часов вечера жара принялась спадать. Воздух за окном из прозрачного стал серым, затем синим, с густеющей на глазах россыпью жёлтых электрических огоньков. Длинные тени легли на пол и принялись плавно вытеснять пятна дневного света. Они добрались до стола, дотянулись до пепельницы, коснулись стен...

Я включил свет. В тусклом свете единственной в комнате лампочки тяжело кружились сытые комары. В настежь открытые окна врвался никогда не смолкавший шум вентиляции с первого этажа, где находилась кондитерская. Все ночи напролет там пекли хлеб, булочки и пирожные.

От тусклого жёлтого электричества на душе заскребли кошки. Чтобы скоротать вечер, я взялся за учебник испанского языка, который был тогда моей настольной книгой и единственным ключом к двери в окруживший меня со всех сторон испаноязычный мир. Но тут в мою комнату постучался Себастьян Комаров, и, как всегда, после этого всё завертелось с бешеной скоростью.

— Есть идея, — изрёк Себастьян, — сгонять за пивком. Освежимся?

Я пытался сосредоточиться на спряжении глагола *querer**

и предложение не вызвало у меня прилива энтузиазма, на который рассчитывал Комаров.

— Шёл бы ты уже, Комар, спать. Вернее, летел бы, — не отрываясь от книги, посоветовал я.

— Холодное, пенящееся пиво в запотевшей бутылке. Приятная прогулка по вечерней улице, — модернизировал своё предложение Себастьян.

Нужно признать, что образы не были лишены привлекательности. От них повеяло свежим бризом. Он заполнил обвисшие паруса настроения, превратил хандру в водную пыль, развеял её над

* — *querer* (исп.) — *хотеть, желать, любить*

поверхностью океана и погнал мой корабль совсем в другом направлении.

Я отложил книжку в сторону. Лень сменилась повышенной активностью. Захотелось немедленно оказаться на вечерней улице, затесавшись в самую гущу жизнерадостной мексиканской толпы. Захотелось пуститься во все тяжкие, захотелось холодного пива, захотелось есть, пить, гулять, прожигать жизнь.

Но своих раздумий я не проявил. Вместо того задумчиво сказал:

— Пройтись разве с тобой? Вообще-то не очень-то хочется, разве что так, за компанию. Чтобы тебе вечера не обламывать.

— Что почитываешь? — невинно поинтересовался Себастьян, который прекрасно понимал, что выиграл партию, и растягивал удовольствие. — Интересная книжунция? О чём?

— О том, как хоронили тещу и порвали два баяна! Ну что, пошли, пока я не раздумал?

— Один момент, только Мишеля позову.

Себастьян подошёл к двери Мишкиной комнаты и забарабанил по ней костяшками пальцев.

— Дон Мигель, а Дон Мигель, вы там?! Идите сюда, мы читаем интересную книгу. Давайте её обсудим.

За дверью послышался скрип кроватных пружин.

— Слышь, Майк, за пивком стоняем? Освежимся. Представляешь — очень холодное, пенящееся...

Мишка опять заскрипел пружинами и сонно произнёс:

— Отстань!

— Нет, — констатировал Себастьян, — этого я, кажется, не убедил. Ну и пусть квартирует без пива. Он всегда был болваном.

Комаров шлёпнул свою грудь ладонями и, отставив ногу в сторону, жизнерадостно продекламировал:

— Пиво утром — как зарядка: влил его — и всё в порядке!

Вообще-то был вечер. Да и рифма вызывала большие сомнения. Но я не стал придираюсь.

Столица Мексики — Сьюдад де Мехико, или, как его тоже часто называют, Дистрито Федераль (Федеральный округ) — это город, в котором может произойти всё.

Обычно «всё» случается совершенно неожиданно. Город играет с тобой. Убаюкивая внимание нового человека своим брэнчанием на гитаре, он выжидает, подстерегает, даёт время расслабиться и потерять бдительность, чтобы внезапно схватить за горло в тот самый момент, когда ты меньше всего этого ждёшь.

«И чего только не говорят об этом городе! А он такой интересный...» — даёт слабину случайный визитёр, перед тем как упасть с простреленным черепом. Всё здесь происходит внезапно. В этом стиль Мехико, его почерк, повадки, характер.

«Всё» означает «что угодно». Ограбление, убийство, знакомство, которое способно изменить жизнь, быстрый горячий секс с потрясающей сеньоритой, в сумочке которой лежит заряженный револьвер.

Но первым моим мексиканским впечатлением стала жара. Я пересёк кондиционированный зал аэропорта, стеклянные двери плавно разъехались в стороны, и я ощутил тугую стену горячего воздуха, вставшую на пути. Она была такой осязаемой, что возникало ощущение эластичности окружающей среды. Казалось, что по мере твоего продвижения воздух медленно подаётся назад и, сделав определённое количество шагов, ты достигнешь критической точки, после чего тебя отбросит назад.

В сквере напротив что-то стряпалось и продавалось прохожим. Вился дымок, струились ароматы жарящегося мяса, незнакомых специй и соусов. Из больших и маленьких динамиков, расставленных на прилавках, лились мелодии. Сальса, меренге и танго плавно смешивались и образовывали музыкальные круговороты. Прямо на улице, в тени раскидистых деревьев, бодрые сеньоры пенсионного возраста кружили под музыку своих сеньор.

На противоположной стороне площади тоже вился дымок, звучала музыка. И там танцевали, жарили, пекли, покупали и съедали на ходу не хуже, чем здесь.

Вокруг торговцев толпился народ, и, помнится, меня это поразило. Казалось невозможным думать о еде в такую жару. В списке необходимых вещей в данный момент провизия должна была находиться где-нибудь в самом конце.

Происходящее не укладывалось в голове, не находило себе места в моей системе координат. Совершенно машинально я отметил, что люди вокруг меня не просто перемещались и жевали. Они проделывали всё это, пританцовывая под музыку.

Такой Мексика предстала передо мной. Такой, какая она и есть, — знойной, весёлой, поющей, эмоциональной, вечно жующей на ходу кукурузную лепёшку. Я быстро адаптировался. Спустя пару дней я уже и сам уплетал los tacos — горячие маисовые лепёшки тортильяс, на которые кладут ломтики жареного мяса, или поджаренный с овощами фарш, или потроха, или нарубленные choriso (мексиканские колбаски). Всё это обильно приправляют нопалями (кусочками жареного или маринованного кактуса), лимонным соком и огненной сальсой.

При этом я научился не обращать внимания на жару и незаметно для себя легонько покачиваться в такт острой, как перчики халапеньо, и в то же время нежной, как первый поцелуй, латиноамериканской музыке, льющейся со всех сторон.

Так я стал ещё одной струной в гитаре, на которой играл этот безумный, непредсказуемый, опасный, бедный и вместе с тем жизнерадостный город — Мехико.

ГЛАВА 2

Открыв массивную дверь подъезда, мы оказались в вечерней уличной толчее. Людской поток, текущий по лицу Букарелли, был настолько широким и плотным, что, открыв дверь подъезда, требовалось выждать несколько секунд, чтобы примериться и нырнуть в него.

Чистильщики обуви орудовали щётками, как цирковые жонглёры горящими булавами. Продавцы шумно предлагали свой товар прохожим. Сотни тортильяс летели на противни, переворачивались, заполнялись кусочками щипящего на тех же противнях мяса, острыми приправами, пюре из тушёной фасоли, обжаренной макотью кактусов.

Один из торговцев — смуглый, почти совсем чёрный Хуан Карлос, которого все называли Негро, увидел нас и махнул рукой.

— Como estan amigos!* — приветствовал он нас.

Негро знал несколько английских фраз, а я, в свою очередь, уже освоил испанский настолько, чтобы изъясняться односложными предложениями. Это пробудило дружелюбное отношение со стороны окрестных продавцов. лос такос.

— Ты уже ещё пришёл нет в Канаду? — задал Негро риторический вопрос на своём почти безупречном английском.

Я отрицательно покачал головой, что, впрочем, было совершенно излишним, поскольку если бы я «уже ещё пришёл в Канаду», то не мог бы стоять перед Негро:

— Как бизнес?

— Но, по, по! Нет бизнес вопрос, — перепугался суеверный Негро.

**Примечание* – Como estan amigos (исп) – как дела, друзья

Я не стал спорить — нельзя так нельзя.

— Сделай-ка нам, Негро, по два с чорисо.

Негро выбрал из горки тортильяс четыре покруглее и метнул их на раскалённый противень. Ловким движением он тут же перевернул лепёшки, мгновенно швырнул их на картонную тарелку, покрыл каждую мелко нарубленными колбасками чорисо, которые жарились на том же противне вместе с луком и кактусами, добавил пюре из тёмной фасоли и подал нам. Вся процедура заняла не более десяти секунд.

В отдельных соусницах виднелись другие приправы: бордовая и огненно-острая чипотле из копчёных перчиков халапеньо, зелёная и красная сальсы, изумрудное гуакамоле — давленное авокадо с перцем и помидорами. Дальше стояли миски, доверху заполненные лимонами и лаймами.

Мы приправили такосы лимонным соком, острой зелёной сальсой, которая была разлита в массивные соусницы, выдолбленные из цельных камней, и принялись за еду, наслаждаясь пряной остротой и оглядывая заполняющуюся народом вечернюю улицу.

Доев, мы подмигнули Негро, у которого работы заметно прибавилось, и пошли дальше, подхваченные вечерним людским потоком, растворившись в нём, чувствуя и впитывая всеми своими фибрами ту неуловимую, но всегда присутствующую атмосферу праздника, охватывающую по вечерам латиноамериканские города.

Смеркалось. Горели фонари. Чистильщики обуви суетились на краю тротуара и хватали прохожих за рукава в надежде заработать пару песо. По краю проезжей части в поиске клиентов целыми вереницами медленно ехали такси — бело-зелёные «жучки» -«фольксвагенчики». Кое-где в их ряды затесались похожие на каретки велоэкипажи или велобусы.

У банков и пунктов обмена валюты стояли полицейские в красно-синей униформе, вооружённые карабинами. Некоторые из них жевали такосы, перевесив карабины на плечи

дулами вниз и утирая ладонями густые усы. На углу улиц Букарелли и Пасео де ля Реформа находилось известное нам питейное заведение El Sol. Мы не сговариваясь свернули к нему.

Рабочий день подошёл к концу совсем недавно, клиенты ещё не начистили до зеркального блеска, как тут заведено, свои ботинки, и час толпы, шумно требующей выпивку, ещё не настал. Оттого бар был почти пустым. Кроме нас с Комаровым в нём присутствовали четыре человека. Одним из них был бармен. Бармен не в счёт.

У стойки стояла стройная брюнетка в высоких ботфортах, таких мушкетёрских, что казалось: пропустив стаканчик-другой, она вскочит на коня и с возгласом «Один за всех!» ускачет в Лондон за подвесками королевы.

Слева от неё сидел высокий седовласый сеньор в хорошо сшитом костюме, который потягивал ром «Баккарди» пополам с колой. Позади всех за столиком торчал сопливый мухомор. Этот юный джентльмен цедил пиво из бутылки.

Брюнетка-мушкетёр клеилась к сеньору в дорогом костюме, который, впрочем, не обращал на неё никакого внимания. Мухомор с пивом, напротив, не отрывал от брюнетки глаз.

Все присутствующие отреагировали на наше с Комаровым появление по-своему. Мушкетёр скользнула по нам быстрым оценивающим взглядом и даже сделала неуловимое движение в нашу сторону, говорящее о том, что мы стали её резервным вариантом на случай, если седовласый сеньор окончательно сорвётся с кончика её шпаги.

Мухомор недовольно покосился в нашу сторону — он явно принял нас за конкурентов. Седой господин, напротив, изобразил подобие улыбки и, признав в нас иностранцев, принялся не без интереса наблюдать за тем, как мы себя поведём — что станем заказывать, как заговорим с барменом. Обычно по таким мелочам и составляют первое представление о приезжих.

Мы с Комаровым уже бывали не раз в этом заведении и не имели права остаться за флагом. Чтобы не сплеховать, требовалось быть вежливыми, уверенными, хорошо знающими, чего мы хотим, и по возможности правильно говорить по испански.

— Добрый вечер, Фернандо! — обратился я к бармену. — Две текилы Cazadorez, por favor*, лимоны, да, пожалуй, два стаканчика томатного сока. Cazadorez, разумеется, reposado**, а не blanco***, por favor.

Боковым зрением я заметил, что седовласый сеньор довольно кивнул, одобряя мой выбор.

Я повернулся к нему и слегка поклонился — в Латинской Америке любят церемонии. Затем я посмотрел на брюнетку и, встретившись с ней глазами, слегка вытянул сложенные в трубочку губы, что означало: «Ну ты та ещё штучка, mi amor!» Брюнетка довольно приснула и наградила меня многообещающей улыбкой. Пивной мухомор громко сказал: «Вот грязная шлюха, так и липнет к любому гринго».

Повисла гнетущая тишина, стало слышно, как звенит крыльями жирная муха, заходившая на посадку над каплей сладкого ликёра.

Я медленно обернулся, мухомор ослабил и, плюнув мне под ноги, шумно отхлебнул пива. Но второго глотка он сделать не успел. Я ногой выбил бутылку у него из рук и, поймав в воздухе, сам отпил из неё. После этого я поморщился, вылил остатки пива ему на голову, дал

*Por favor (исп) – пожалуйста.

**reposado (исп) – выдержанный.

***blanco (исп) – белый, светлый (о напитках).

пинка, схватил за воротник и потащил к выходу. Раздались аплодисменты...

— Как сказать по-испански: «Дайте мне, пожалуйста, пива»? — спросил Комаров, обливаясь, сразу перебив плавный ход моих мыслей. Я вернулся к реальности. Она была неутешительна.

Мы топтались перед барменом. В воздухе повисла тяжёлая пауза. Брюнетка отвернулась и что-то шепнула седовласому сеньору. Тот усмехнулся. Поганец за их спинами осклабился и тянул то самое пиво, которое я мысленно лил ему на голову две секунды назад.

— Добрый вечер, Фернандо! — начал я свою комбинацию, припомнив, как ловко всё выходило в мыслях.

— Я не Фернандо. Я Сантьяго, — немедленно последовал ответ.

— Ну конечно, — я покраснел, растерялся и, холодея, проговорил уже совершенно идиотское: — Мы тут бывали, может, помните нас?

Бармен безучастно протирает стаканы. Брюнетка в мушкетёрских сапогах прыснула.

— Скажи ему, чтобы налил уже пива, — потребовал Комаров. И тут же сам обратился к бармену на чудовищной смеси русского, английского и испанского: — Сербеза, плиз. Нам бы пива. Сербеза. Два стакана. Уно и... ещё раз уно, — он показал два пальца. — Нам. Мне и ему. Понимаете?

Брюнетка и седовласый сеньор веселились вовсю. Видно было, что они сильно сдружились за наш счёт, что у брюнетки всё идёт как по маслу и что ускачет она сегодня не в Лондон, а прямо в спальню к седовласому сеньору. Мы торопливо влили в себя по кружке пива, расплатились и не оглядываясь торопливо покинули El Sol.

— Хорошо посидели, да? — с кислым видом сказал Комаров, когда мы оказались на улице.

Разочаровать его я не успел. В тот самый миг мимо нас, так близко к тротуару, что некоторым прохожим пришлось стремительно отпрыгивать от опасного края, пронеслись два полицейских автомобиля. Они резко остановились у отделения банка в пятидесяти метрах от нас. Из автомобилей выскочили вооружённые короткими автоматами полицейские.

— Похоже, что опять взяли банк, — со знанием дела сказал Себастьян.

За то время, что я провёл в Мексике, это было уже третье ограбление банка, случившееся на моих глазах. Уж не знаю, были ли это реальные налёты, проходили учения или просто срабатывали сигнализации, но я уже в третий раз наблюдал, как к отделению банка подлетают набитые автоматчиками полицейские автомобили.

Народ проводил глазами полицейских и спокойно принялся за свои, прерванные их появлением дела — переходить улицу, есть такосы, чистить ботинки...

Послышалась ещё одна полицейская сирена. Из боковой улицы вылетел запоздавший полицейский пикап. В необорудованном сидячими местами кузове находилось человек шесть полицейских. Они стояли, вцепившись обеими руками в длинные поручни по бокам кузова. Прохожие с душераздирающими воплями выскакивали из-под самых колёс. Улица, из которой вывернул пикап, была слишком узкой для такого крутого поворота. Пикап занесло, и он, смяв газетный киоск, с оглушительным грохотом врезался боком в широкий ствол дерева на краю тротуара.

Полицейские вылетели из кузова и, проделав в воздухе сальто разных траекторий, грузно посыпались на асфальт. Зрелище было жутким и захватывающим одновременно.

Пострадавшие приходили в себя, садились, ощупывали руки и ноги, у многих были разбиты лица. Водителя вынесли из кабины и положили на тротуар. Он пострадал серьёзнее остальных. Спустя несколько минут начали прибывать автомобили «Скорой помощи». Они подобрали раненых и умчались, разрывая вечер сиренами и проблесковыми маячками. Впереди нёсся патрульный автомобиль. Из установленного на крыше динамика неслось требование уступить дорогу.

Всё в Мексике происходит молниеносно и по-театральному, на пределе эмоций. Никогда не знаешь, достигла ситуация высшей точки своего развития или апогей расположен витком выше на этой спирали.

Так же стремительно всё завершается. Мексиканский характер напоминает двигатель внутреннего сгорания. Резкие, как импульсы, перепады от состояния активности к состоянию покоя вызывают искры, которые поджигают топливо, щедро вырабатываемое в душе каждого мексиканца, — повышенную эмоциональность, склонность к музыке, танцам, огненно-острой пище, любви и революциям.

Народ проводил автомобили рассеянным взглядом и опять вернулся к прерванным занятиям. Горячий воздух заполнился автомобильными гудками и маисовым ароматом. Когда на мгновение уличный шум опадает, становится слышно, как сквозь него пробивается щемящая душу мелодия:

Besa me, besa me, mucho!
Como si fuera esta noche
La ultima vez...

Прохожие обильно выжимали лаймовый сок на кукурузные лепёшки с мясом, уплетали их, улыбались и легонько покачивались в такт музыке, не сбиваясь с ритма даже тогда, когда её заглушал уличный шум.

ГЛАВА 3

Мы повернули обратно. На сегодня впечатлений было достаточно. Но чтобы их переварить, требовался ром. В *miscellanea** мы купили бутылку светлого рома «Антильяна» и вернулись домой.

В подъезде встретились с жильцами из пятнадцатой квартиры — Петровичем и Чупа-Чупсом. Те были навеселе.

— Ром! — с энтузиазмом констатировал Чупа-Чупс, завидев нас. — РОМантическая встреча! А у нас авария — воды нет в доме. Мы тут починяем, пошли помогать. И ваш ром очень кстати.

— Воды нет? — безрадостно переспросил Себастьян и поплёлся за Петровичем, бормоча себе под нос: — Мужчина, береги воду — принимай душ с женщиной.

Бойлерная находилась здесь же, в подъезде. Первое, что я увидел, когда вошёл туда вслед за остальными, была опустошённая примерно на треть бутылка мексиканской водки «Микоян». Почему она так называлась, никто в доме не знал, на этот счёт строились самые разнообразные предположения, возможно, и делавшие честь нашему воображению, но вряд ли соответствовавшие действительности.

Крыша в этом помещении отсутствовала, и, задрав голову вверх, можно было увидеть квадратный проём, в котором темнело небо.

Рядом с бутылкой стояли несколько пластмассовых стаканчиков и тарелка с нарезанным ровными розоватыми ломтями *тосино*, или, попросту говоря, копчёной свиной грудинки.

— Починяем, значит, — с плохо скрытым удовлетворением констатировал Себастьян. — А почему именно здесь?

— Будто сам не знаешь! Это самое прохладное место в доме, —

**Miscellanea (исп.) – небольшой гастроном, аналог американского corner store.*

резонно ответил Чупа-Чупс. — Кстати, не слышали? Чеснок сегодня визу в Канаду получил. На днях отбывает.

— Ну?! — поразился Себастьян. — Вот пруха! Сколько же нам ещё здесь торчать?

Ко мне подплыл наполненный водкой стаканчик. Петрович пожелал:

— Ну, чтоб всё было хорошо и чтоб мы все поскорей получили канадские документы. Выпили, закусили копчёной грудинкой.

— После первой и второй перерывчик... сами знаете, кратковременный, — немедленно засутился Петрович, разливая водку в стаканчики. Разлив всем, он поднял свой стаканчик и опять пожелал: — Ну, чтоб всё было хорошо и нам поскорей вручили канадские визы на ПМЖ.

Через некоторое время всё повторилось, потом ещё и ещё...

Прикончили «Микояна», взялись за «Антильяну». Петрович не баловал разнообразием тостов. Во всех произносимых им речах фигурировали «мы» и «документы на ПМЖ в Канаду»:

— Ну, чтоб всё было хорошо и мы все поскорей отбыли в Канаду.

Привлекаемые звяканьем бутылок, громкими голосами и ароматом рома подтягивались остальные жильцы. Подошёл Михалыч — бывший музыкант из Питера. Он принёс ещё полбутылки «Микояна».

— Ну, чтоб всё было хорошо и всем нам как можно быстрее...

Заглянули «на огонёк» местные кадры, наши мексиканские соседи Хосе и Хайме — студенты Полихнического института. Мы их прозвали «два икса». Иксы принесли текилу и бутылку томатного сока.

— Ну, чтоб всё было хорошо и мы поскорее...

Потом пришёл первым из всех нас получивший визу на ПМЖ в Канаду Ваня Чесноков с бренди «Дон Педро».

— Ну, чтоб всё было хорошо и нам всем...

Спиртное лилось рекой, и казалось, не существует плотины, способной этот бушующий поток остановить.

Неожиданно появился Джордж. Он вошёл в бойлерную, где уже теснилось много народу, и бочком протиснулся ко мне. Мы обменялись рукопожатием.

— Come estas?*

— Bien. Et tu?***

Джордж неодобрительно покосился по сторонам и предложил.

— Может, сходим в «Эль Соль»? Поболтаем.

Я отрицательно помотал головой:

— Пожалуй не стоит. Во-первых, мы там уже были сегодня, во-вторых, я немного набрался, — я не знал, как по-испански «набрался», и употребил более сильную форму: «боррачо» — пьян).

— Эстой боррачо йа (Я уже пьян), — повторил я.

Джордж понимающе кивнул головой.

— Выпьешь? — спросил я его.

Он кивнул.

Джордж был гражданином США мексиканского происхождения. Он родился в Мексике, но вырос в Штатах. Потом вернулся сюда учиться в университете. Его дядя отчего-то настоял, чтобы Джордж получил высшее образование в Мексике.

Не знаю, какие мотивы двигали дядей Джорджа. Обычно происходит наоборот. Все стремятся получить образование в США, но, так или иначе, дядя упёрся, и Джордж приехал за дипломом архитектора в Мексику, страну, откуда родители его увезли ребёнком.

Уступчивость Джорджа объяснялась тем, что слово дяди в их

*Come estas? (исп) – как поживаешь?

***Bien. Et tu (исп) – Неплохо. Как сам?)

семье значило очень много. Именно дядя Джорджа платил по семейным счетам.

Много лет назад дядя единственным в семье отказался уезжать в США, остался жить в Мексике, разбогател и, по словам Джорджа, заправлял каким-то серьёзным бизнесом на юге страны. Говоря об этом, Джордж обычно многозначительно приподнимал левую бровь и прищуривался правым глазом. Вероятно, это означало, что бизнес дяди связан с нюансами, о которых не стоит говорить.

Да! Тогда я ещё и догадываться не мог о том, насколько хорошо мне придётся познакомиться с дядей Джорджа – сеньором Рикардо Мартинесом и какую роль в моей жизни сыграет это знакомство.

Я вместе со всеми опрокинул очередную стопку и, подняв голову вверх — туда, откуда веял освежающий сквознячок, — увидел, что небо стало совсем чёрным и покрылось звёздами. Пока звёзды не расплывались в глазах, значит, всё в порядке.

— В канадское посольство ходил? Визу пока не дали? — поинтересовался Джордж.

— Нет, с прошлой недели не ходил. Будет решение, сами позвонят. Я уже почти полгода здесь жду. Подожду ещё сколько придётся...

Мы познакомились с Джорджем случайно. Это произошло пару месяцев назад. В центре Мехико имеется район увеселительных заведений Зона Роса. Клубок пешеходных улиц, на которых расположены главным образом дискотеки, бары и рестораны.

В тот вечер мы с Себастьяном и Мишкой сидели в, известном заведении «Ярдас».

Пивные ярды — особый тип пивных бокалов, которые больше напоминают колбы. Они высокие, узкие, расширяющиеся кверху. Внизу пивной ярд имеет форму небольшого шара. В пивбарах по всему миру этот вид посуды используется для соревнований по выпиванию пива на время. Именно в таких кружках в «Ярдасе» подавали пиво.

«Ярдас» славился на весь Мехико весёлыми *los meseros**, которые постоянно придумывали развлечения для посетителей. Например ходить «паровозиком» по залу.

В какой-то момент, когда веселье приближалось к точке кипения и пистолеты в карманах клиентов готовились выстрелить все разом, официанты спешили разрядить обстановку, направив энергию посетителей в безопасное русло.

Два официанта занимали позиции в противоположных концах зала и, пританцовывая, двигались друг к другу. По пути они подхватывали подвыпивших клиентов, и два потока гуськом неслись навстречу. Они сближались, проходили параллельными курсами совсем рядом, миновали друг друга и разворачивались, чтобы опять сблизиться и пронестись один мимо другого. Всё это сопровождалось воплями, шутками, хлопками, жестикуляцией.

Все оставались довольны. Посетители — тем, что их развлекали, заведение — тем, что обошлось без пьяных драк.

Другой забавой была «дегустация» шампанского. Два аюданте (помощники официантов) влезали на столик, откупоривали бутылки с игристым вином (разумеется, самым дешёвым) и разливали пенящийся напиток в подставляемые рты веселящейся толпы.

Эти нехитрые потехи служили приятным дополнением к выпивке,

* *Los meseros (исп.) — официанты*

нравилась завсегдатаям заведения, и в конце недели «Ярдас» бывал переполнен.

В тот вечер мы сразу заказали бутылку тёмного ямайского рома, поскольку рассчитывали провести здесь весь вечер. К рому подали лёд, кока-колу и нарезанные тонкими ломтиками лимоны.

Мы разлили ароматный ром на приятно затрепавшие кубики льда, добавили кока-колу, лимон и чокнулись. Вечер обещал стать просто чудесным.

Дороги, которые привели нас в Мексику, начинались в разных исходных пунктах, но пересекались эти три линии в одной точке — Монреаль, Канада.

Себастьян Комаров прибыл в Монреаль из Москвы. В конце лихих девяностых годов ещё не Себастьян, а просто Сева Комаров имел свой авторемонтный гараж. Дела, по его словам, шли неплохо, он купил двухкомнатную квартиру в пределах Садового кольца, не новый, но исправный японский автомобиль и начал было копить деньги на дачу в Подмосковье. И тут ему сильно не повезло.

У парка Горького Сева столкнулся с новеньким белым «мерседесом». На таких автомобилях в те времена в Москве ездили только бандиты из серьёзных криминальных группировок, поделившие город на зоны влияния.

— Представляешь, в новенький «мерин» с братвой из с-кой бригады! Тут меня взяли в такой оборот, что я мигом потерял бизнес и квартиру, — рассказывал Сева.

— Как же тебя в них занесло? — обычно сочувственно спрашивали его на этом месте.

Сева огорчённо махал рукой:

— То-то и обидно, что на самом деле это не я в них, а они в меня врезались, когда из перелюка выскочили и против движения поехали. А мне претензии предъявили не за аварию, а за то, что я им дорогу не уступил. Молчать мне надо было! А я объяснить им чего-то пытался: не моя, а ваша вина. Они послушали, послушали и проникновенно так говорят: «Ты чё, совсем берегов не видишь?! ешь, на скока ты тут щас наговорил?!» Всё, что могли, забрали сволочи — и бизнес, и квартиру. Несколько лет бедствовал, на ноги так и не встал. В итоге решили в Канаду податься. Один из моих бывших клиентов в посольстве Канады работал. Он и помог турвизы нам с женой подмахнуть; если бы не он, то кранты! Прилетели мы в Монреаль и сразу в аэропорту статус беженцев попросили. Отказать в рассмотрении они не имеют права, ну и началась эта канитель. Два года дело тянулось, наконец суд. Через полгода получили отказ по беженству, а спустя пару месяцев депортационный ордер принесли. Но мы эту диспозицию предвидели и ещё загодя начали легальную иммиграцию оформлять. Пришёл нам депорт, так мы из Канады в Мексику перескочили и подали анкеты в консульство канадской провинции Квебек. Первичное собеседование прошли, они передали наши документы в посольство Канады для окончательного решения. Теперь вот ждём его.

История иммиграции Мишки, совершенно не похожая на историю Себастьяна в своём дебюте и развитии, имеет идентичный финал.

Мишка, как и я, человек южный. Он из Ростова. После распада СССР Мишка уехал в Израиль. Впрочем, и там он не прижился.

— Там хорошо — тепло, красиво. Море, народ южный, всё как у нас, но у меня как-то не сложилось. А почему — и сам не знаю, — говорил он, не вдаваясь в подробности.

Мишка стремился в США, пытался туда прорваться через Канаду, но что-то в этой схеме у него не сложилось, и в аэропорту Монреаля он «сдался» иммиграционным властям Канады.

Дальнейшие его похождения очень похожи на историю Севы: отказ в статусе беженца, депортационный ордер, прибытие в Мехико, собеседование в консульстве Квебека, ожидание окончательного решения посольства Канады.

О моей истории поговорим немного позже.

Итак, мы чокнулись, выпили, налили ещё и завели неторопливый разговор. Мы пришли за всем этим. А зачем ещё мужчины ходят в бары? Выпить и потрепаться.

Мишка заговорил об Израиле, и я невольно погрузился в море воспоминаний. Я вспомнил тихий монастырский парк, разбитый на высоком холме. Вокруг раскинулся захлёбывающийся от удушливой ближневосточной жары Иерусалим. А здесь прохладный ветерок раскачивает верхушки стройных кипарисов. Рядом стоит Лена. Она слегка склонила голову набок и смотрит с озорной улыбкой...

Сева, которого в этой его жизни правильнее именовать Себастьяном (во всяком случае, так он называет теперь себя сам, и у нас нет никаких оснований это оспаривать), заметил, что я «отъехал», и ткнул меня локтем в плечо:

— Ты с нами?

— Ну а с кем же ещё!

— Тогда скажи: зачем люди женятся?

— Ты ещё спроси, зачем люди писают!

— Да не валяй дурака, пожалуйста. Мы тут не сошлись мнениями.

— Где именно не сошлись? Просто любопытно, где там можно не сойтись мнениями.

— Не умничай. Люди стремятся обзавестись потомством. Продолжение рода и есть та самая катушка, на которую наматывается любовь с её романтической мишурой — все эти поцелуи, букеты цветов...

— А Мишель с этим не согласен?

— Он завинтил идею о стремлении человека иметь свидетеля своей гениальности. Пусть сам.

Мишка отхлебнул рома и криво усмехнулся:

— Летописный синдром.

— Чего?

— Пиплам хочется иметь карманного летописца. Свидетеля своей жизненной борьбы. Чтобы супруг изо дня в день заценивал твои великие ходы, подачи, подсечки, рокировки...

— Если бы ты сейчас пил бренди, Мигель, я бы сказал, что ты сбрендил, — махнул рукой Себастьян. — Ну какие рокировки нах? Всё просто. Продолжение рода — вот, что движет людьми. А обеспечивает это дело любовь.

— Любовь? А что это? — быстро спросил Мишка. — За этим словом ничего конкретного. Люди напридумывали определений: любовь, темнота, ветер, мысль, материя. За ними ничего нет. Это всё категории человеческого мышления, то есть иллюзия. Ну вот что такое ветер?

— Колебания воздуха, — сказал я.

— А что такое воздух? — немедленно спросил Мишка.

— Ну... мы им дышим.

— Ядрён батон! — презрительно отрезал Мишка. — Дышим мы смесью кислорода с азотом. Воздух же — это нечто эфемерное и неопределённое. А что такое темнота?

— Ну не знаю... Но ты ведь не станешь утверждать, что тьмы нет?

— Что такое темнота? — терпеливо повторил Мишка.

— Ну, блин... Ну, скажем, отсутствие света.

— Мысль?

— Импульс головного мозга.

— Да что ты? Спасибо, что не спинного. Всё это не ответы на вопросы. Это уходы от ответов. Маскировка незнания. Что такое «импульс головного мозга»? Кто-нибудь его видел? Какого он цвета? Все эти определения людям нужны, чтобы как-то обозначить непонятные вещи. Те, которые нельзя потрогать руками. А истина в том, что всеми поступками человека двигают амбиции, а по-простому говоря — выпендрёж. Этот выпендрёж проявляется в разной форме, но его следы окружают нас со всех сторон, — Мишка обвёл глазами бар, засунул руку в карман. — Ну вот хотя бы, чтоб далеко не ходить, — он вытащил несколько смятых мексиканских купюр, выбрал одну достоинством в двадцать песо, разгладил: — Кто это изображён?

— Ты бы бумажник завёл, деньги мнёшь.

— Ай! — Мишка махнул рукой. — Кто это?

— Написано же — Бенито Хуарес. Один из президентов Мексики.

— Вот! Перед нами пример классического выпендрёжа. В античную эпоху правители завели моду тискать свои фейсы на баблосе. Чтобы благодарный народ их почаще видел и вообще узнавал в лицо. Античные времена давно минули, а традиция осталась. Пусть сегодня она формальная, потому что не сам Бенито Хуарес принял решение тиснуть себя на двадцатке, это скорее всего сделали после его смерти, но это древний памятник человеческим амбициям. И таких памятников вокруг хоть пруд пруди.

— Что-то ты не те груши околачиваешь. Каким боком всё это к женьбе?

— Повремени, сейчас догонишь. Всякий царёк чеканил свой профиль на монете, строил всякую каменную хрень типа пирамид или дворцов, устраивал войны, а потом... Что потом он делал? — Мишка вопросительно посмотрел на нас.

— Ну, бухти дальше, — ответил Себастьян.

— Потом он заказывал барельеф с наглядными изображениями своих художеств. То есть отливал себя в граните на века. Вот оно! И простой пипл тоже любит принимать красивые позы. Но! — Мишка многозначительно поднял вверх указательный палец. — Царь мог замесить барельеф на главной площади, а Вася Пупкин — нет. Вот он и женится, чтобы супруге свою гениальность демонстрировать. А если, как Комар говорит, для продолжения рода, то зачем тогда изобрели всякую полигамию или полиандрию? Ведь один мужик и одна баба гораздо эффективнее. Во всяком случае, лучше этого для продолжения рода пока ничего нормального не придумали. А однополые браки? Какое тут может быть продолжение рода? Это же демографический тупик. Э нет! Свидетель собственной гениальности нужен. Или свидетели. И никакой любви!

Мы с Себастьяном переглянулись и принялись раскручивать воображаемые лассо. Первым в воздух взлетело моё:

— Не умничай. Смесь азота и кислорода и есть воздух. Зачем произносить четыре слова, когда можно обойтись одним? Попробуй не дышать. Через двадцать секунд ты гарантированно прекратишь валять дурака и поймёшь, что воздух не иллюзия.

Пойдём дальше. Полигамия и полиандрия существовали при царе Горохе, а сегодня если и сохранились, то где-то на периферии большой цивилизации. Массового характера эти явления не имеют, и ссылаться на них некорректно.

И вообще полигамия была проявлением борьбы за выживание. Продолжение рода. Тут Комар прав на все сто. Всё гораздо проще, чем ты нагородил. В древности большая семья являлась гарантией выживания. Жили по принципу: чем больше женщин осеменит каждый мужик, тем больше в племени будет охотников, воинов, собирательниц кореньев. Большой размер рода являлся гарантией его сопротивляемости врагам, голоду, климату. Вот мужчина и трудился в поте лица.

Я замолк. В дискуссию вступил Комаров:

— А однополые браки вообще особая тема со своим набором фишек и жетонов. Однако, если учесть, что многие однополые партнёры усыновляют детей, можно констатировать, что стремление к продолжению рода и здесь каким-то образом пытается самореализоваться.

Мишка хмыкнул.

— Напрасно хмыкаешь, — изрёк Себастьян. — Если бы ими двигало только желание иметь супруга-летописца, детишки им были бы ни к чему. Не так? Так. Ещё как так.

Он самодовольно хлопнул Мишку по плечу.

— Интеллект не пропьёшь, Мишель. Лёгким движением мускулов лба мы разорвали твои сети. Теперь давайте наполним стаканы, потому как держать их пустыми нет никакого резона, и выпьем за...

За что хотел выпить Себастьян Комаров, осталось неизвестным, потому что в этот момент наше внимание привлекла сцена, разыгрывшаяся за соседним столиком.

ГЛАВА 4

За столиком напротив нашего сидели три человека. Высокий худощавый мексиканец лет двадцати пяти и две девицы того же возраста. Девицы подходили под определение «симпотные киски».

Красота означает сочетание приятной наружности и ума. Интеллект всегда как-то проявляется — в манере разговора, осанке, особом блеске глаз, в жестах. Стройные длинноногие девицы, о которых идёт речь, хотя и были весьма привлекательны, тем не менее не имели налёта той одухотворённости, за которым обычно скрывается развитый интеллект.

Между прочим, паренёк, с которым они сидели, явился в бар один. Он пришёл после нас, а киски, вертевшиеся вдвоём у стойки, подсели к нему немного позже. Я заметил эту парочку в самом начале, когда уселся и оглядел заведение, а потом машинально отметил, что они переместились за столик напротив нашего.

Там назревал скандал.

Одна из девиц громко жаловалась другой. При этом она энергично жестикулировала. Источником раздражения являлся парень который растерянно следил за происходящим, не зная, как потушить разгорающийся пожар.

— Лохотрон, — проговорил Себастьян, — эти ванильные пипетки разводят дурилку. Смотрите!

В это время скандалившая девица, словно осознав, что привлекает к себе внимание людей, притихла и огляделась.

— Сейчас знак своим подаст: волосы пригладит или сигарету закурит, — предположил Себастьян. — Я на такое в Москве насмотрелся. Что, интересно знать, им от этого мена понадобилось?

В разговор вступила вторая, которая до того молчала и даже не пыталась урезонить подругу. Сейчас она вела себя дружелюбно и успокаивающе гладила парня по волосам.

— Контрастный душ, — сказал Мишка, — воздействие на психику клиенту. Сначала угроза скандала на виду у народа. Потом резкий переход. Клиент напрягается, потом расслабляется, теряет бдительность, и тут должен быть сделан тот самый ход, ради которого заваривалась вся каша.

Оскандалившаяся киска ещё раз скользнула глазами по залу и, убедившись в том, что никто на них не смотрит, придвинулась к парню. Вторая всю льнула к нему со своей стороны, обнимала за шею и поглаживала голову. Притянув его к себе, она поцеловала его в губы.

В это время первая сунула руку в боковой карман его пиджака и молниеносно выудила ключи.

— Момент истины! — провозгласил Себастьян. — Всё оказалось банально просто. Угон автомобиля. Вот он, третий мир. Такая комбинация ради не новой тачки.

— Ты того... аккуратнее, — возразил Мишка, глаза которого оказались зорче, — судя по брелку на ключах, эта «не новая тачка» — «ламборджини».

— Во как! — поразился Себастьян. — Впрочем, не будем забывать о том, что мы находимся в Латинской Америке. Здесь пускают пыль в глаза: ездят на ржавом «пontiаке» а брелоки на ключи цепляют от «ламборджини». Вот пипетки и повелись. Подставляйте стаканы, братцы, самое время выпить за тех, кто ходит пешком, то есть, как утверждали Ильф и Петров, за лучшую часть человечества.

Но не успели мы последовать совету Себастьяна, как ситуация, казалось, достигшая своего пика, продолжила стремительно развиваться.

Очевидно, девушка проявила недостаточную ловкость или парень оказался не так прост, во всяком случае, он почувствовал движение и, резко обернувшись, поймал руку, сжимавшую связку ключей.

Он выхватил ключи, быстро спрятал их, вытащил бумажник и, достав оттуда несколько купюр, одну положил на стол, по одной вручил растерянным кискам и встал, собираясь уходить.

Всё это выглядело очень странно. Несомненно у парня имелись причины не затевать скандала, а напротив, избегать его любой ценой.

Однако у девиц был свой план, и, как показали дальнейшие события, сдаваться они не собирались. Оправившись от растерянности, они вцепились в парня с двух сторон, уговаривая его не уходить. Та, которая вытащила ключи, сконфуженно хихикала, уверяя, что пыталась пошутить.

Паренёк отстранил её и направился к выходу. Она тихонько сказала, что-то подруге, и обе кинулись за ним.

Одна схватила его за руку и, когда он обернулся, вlepила ему пощёчину, другая опустилась на пол и заплакала.

Теперь они не считались с тем, что привлекают всеобщее внимание. Именно это им и было нужно.

— Он избил мою подругу! — крикнула она подскочившему к ним администратору. — Уговорил нас сесть за его столик, начал распускать руки, а когда мы хотели уйти, сильно ударил её в живот.

— План Б, — прокомментировал Мишка. — А девчонки пришли подготовленными. Кто-то с ними работал.

— Хотите, чтобы я вызвал полицию? — спросил администратор.

— Это неправда! Я никого не бил. Они подсели ко мне, а одна из них хотела украсть ключи, — проговорил парень.

Четверо крепко сбитых мужчин, сидевших неподалёку от нас, неторопливо поднялись и подошли к администратору.

— Не надо. Мы его сами выставим, — сказал круглолицый брюнет с тонкими усиками «карандаш», которые совершенно не подходили его широкому лицу. — Мы как раз собирались уходить.

Полные пивные кружки на их столике говорили об обратном, но на это никто не обратил внимания.

Мы переглянулись. Всё было ясно.

Комаров поднял свой стакан и посмотрел сквозь него на люстру:

— Искажение, — проговорил он. — Когда смотришь сквозь стакан, всё приобретает гротескные формы, даже свет меняется.

Я оглянулся. Двое мужчин выволакивали парня на улицу. Третий стоял у входа лицом к залу, готовый пресечь неожиданное вмешательство. Впрочем, никто не собирался вмешиваться. Мало какая из разгорячённых алкоголем голов вообще обратила внимание на эту сцену. Подумаешь! Кто-то оскандалился — обычное дело.

Я поискал глазами четвёртого. Так и есть. Он был снаружи. Я заметил его слегка размытый светом вечерних фонарей силуэт. Рядом с ним виднелись две девицы. Мужской силуэт протянул им что-то, они взяли и, развернувшись, торопливо зашагали прочь, на ходу засовывая полученное вознаграждение в сумки.

Парень сопротивлялся, но куда одному против двоих, когда в узком пространстве тебя крепко держат за локти. Он рванулся раз-другой, но его уже почти вытащили на улицу. Перед тем как дверь закрылась, он успел бросить полный отчаяния взгляд в зал, его глаза встретились с моими, их заслонил мощный торс номера третьего, и дверь захлопнулась.

Я допил ром, поставил стакан на стол и встал.

Знаю! Да, это было безумием. Я собирался влезть в чужие дела в чужой стране, в какую-то, возможно, грязную историю, которая меня совершенно не касалась.

В чужие дела не следует вступать, потому что часто всё выглядит совсем не так, как обстоит на самом деле. Я знал эту нехитрую формулу. Но мы встретились взглядами, и я уловил зов о помощи, на который нельзя было не отозваться.

— Оно нам надо? Спокойно сидели, — безрадостно констатировал Себастьян.

— Кислое вино. Вчетвером на одного, так оно не делается. И с девчонками подленькая подстава. Вы со мной?

Они переглянулись и кивнули.

— Тогда присмотрите за спиной. А там и так тесно будет. Столько народу, что только мешать друг другу станем.

Я быстрым шагом направился к выходу.

Плана у меня не было. На его принятие оставались те несколько секунд, которые требовались, чтобы добраться до дверей.

О том, чтобы справиться с этими буйволами, я не мог и мечтать. В реальной драке в большинстве случаев одному не выстоять даже против двоих. А здесь были четверо подготовленных, судя по их виду, бойцов.

В той ситуации мне оставалось только одно — внезапно появиться и сразу напасть. И сделать это предстояло с ходу, без церемоний и соплежуйства. Если бы мне удалось вырубить двоих, прежде чем они поймут, что я нападаю, я уравнивал шансы. Так бы мы остались вдвоём против двоих. Если нет... дальше обдумывать времени не было — я почти дошёл до двери.

Справа от меня, под столиком у самого выхода, стояла пустая бутылка. Мне не оставалось ничего другого. Не останавливаясь, я нагнулся и, схватив её за горлышко, вышел на улицу.

Тусклый свет фонарей освещал празднующихся гуляк. Многие были навеселе. Они шли по мостовой, громко разговаривали, смеялись, вливались в питейные заведения или покидали их, чтобы найти новые острые ощущения.

За углом находилась чёрная дыра, куда недотягивал свет фонарей. Я свернул туда и сразу услышал шум свалки — ругань, удары, угрозы. Шум улицы, напротив, стал приглушённым, словно я вышел из одной комнаты и вошёл в другую.

Несколько секунд я вглядывался в темноту, давая глазам привыкнуть к ней, чтобы разобраться в происходящем.

Четверо затаскивали пятого в автомобиль с выключенными фарами. Он, как мог, сопротивлялся. Похитителей это бесило. Ему выкручивали руки, избивали ногами, душили и медленно, но верно подтаскивали к кабине.

Бандиты (а теперь в этом не оставалось никаких сомнений) потеряли бдительность и оставили свой тыл без присмотра, всем скопом приняв участие в избиении. Одному из них следовало бы приглядывать за углом улицы.

Это давало мне шанс незаметно подобраться вплотную, но, честно говоря, я колебался. Побуждением к действию стала бейсбольная бита, мелькнувшая в руке одного из похитителей. Обозлённый сопротивлением, он решил перебить жертве колено, примерился, сделал короткий энергичный замах... Ещё мгновение — и бита резко опустится вниз, ломая кости...

Я метнулся вперёд и успел обрушить бутылку на голову этому скоту на долю секунды раньше, чем он завершил свой удар.

Бандит без звука рухнул на колени, выронив бейсбольную биту, которая со звонким деревянным стуком ударила об утрамбованную, твёрдую, как бетон, поверхность земли и отскочила от неё вверх. Прежде чем она повторно коснулась земли, я налетел на следующего.

Мной овладело странное чувство. Всё поплыло так, словно кадры моего движения прокручивались в замедленной съёмке. При этом я каким-то внезапно проявившимся шестым чувством видел себя со стороны. Я делал шаг и в то же время отчётливо видел, как замедленно приподнимаюсь на носке, делаю широкий шаг другой ногой, замахиваюсь, резко выдыхаю воздух, одновременно нанося удар. Я испытывал невероятную злобу.

Наверное, нечто похожее испытывали берсерки, приняв на грудь настоек, вводивший их в боевой транс, в состояние аффекта, приводивший к неистовой ярости, заставлявшей грызть щит и рычать, захлёбываясь пеной, рубить направо и налево, не разбирая ни своих, ни чужих. Не знаю, грыз бы я щит, имейся он у меня, но бутылкой я молотил направо и налево.

На самом деле мне просто повезло. Уверовав в свою безнаказанность, они оставили свой тыл открытым и сбились в кучу, как свиньи у корыта, не ожидая нападения сзади. Я всего лишь использовал свой единственный шанс, понимая, что другого не будет.

Всё было кончено. Четверо стонали, лёжа или сидя на земле. Никто из них не пытался подняться или напасть. Им сильно досталось.

Я с силой швырнул бутылку как можно дальше. Сыграв свою роль в этой истории, она улетела в темноту и, врезавшись в глухую кирпичную стену, с грохотом разлетелась на множество осколков.

Сзади подскочили Себастьян с Мишкой. Себастьян присвистнул:

— Жёстко ты фиников навесил!

— Быстро уходим! Только полиции нам не хватало! Глянь, ты ничего здесь не выронил? Скорее! — спохватился Мишка.

Конечно, не стоило разговаривать, так как иностранный язык, который не могли не отметить бандиты, как бы больно им ни было, сильно сужал ареал возможных поисков, но тогда никто из нас об этом не подумал.

Втроём мы поставили на ноги сильно избитого мексиканца и, увлекая его за собой, быстро скрылись с места событий.

Так я познакомился с Джорджем.

Чупа-Чупс и Петрович о чём-то спорили с Хосе на смеси русско-англо-испанского. Мухомыч с Хайме опрокидывали по очередной стопке. Сверху в квадратный проём на них глядела только что взошедшая белая с серыми пятнами гор и безводных морей луна.

Звёзды немного расплывались в глазах. Пора останавливаться. Я поставил стакан на бетонный пол и поднялся.

— Нужно в «Карлтон» гонца заслать, сказать Толяну, что комната Чесноковых освобождается, — сказал Себастьян.

— Завтра с утра зайду к ним, — ответил я. — Вместо утренней прогулки. Мне доктор велел гулять.

Я повернулся к Джорджу: «Пойдём, amigo. Провожу тебя до машины».

Мы вышли из бойлерной, пересекли вестибюль и вышли на улицу.

Джордж оставил свой приземистый «Ламборджини» на углу Букарелли, напротив ярко освещённого бара. Это заведение, как и многие другие в центре Мехико, принадлежало его дяде.

— Может, зайдём? Выпьем по «Маргарите», – ещё раз предложил Джордж, когда мы проходили мимо. Я отрицательно покачал головой:

— Нет, баста. Я уже и так выпил больше, чем мне можно.

Перед тем как сесть в машину, Джордж спросил меня:

— Как ты себя чувствуешь? Боли прошли?

— Не совсем. Доктор сказал, что боли уйдут через месяц, не раньше.

— Take care, bro*, — сказал Джордж, крепко пожимая мне руку. — На днях я заеду. Да, чуть не забыл! — он хлопнул себя по лбу, — Дядя приглашает нас в Канкун. Хочет с тобой познакомиться. Съездим? Проведём там месяц-другой. Океан, катер, рыбалка, ночные клубы — it's Cancun, bro! — Там ты быстро придёшь в себя.

— Звучит неслабо, — сказал я. — Посмотрим. На днях поеду в посольство, узнавать, не созрела ли для меня канадская виза. А там поглядим.

— Ладно, ещё сговоримся. Пока, — Джордж сел в машину и укатил.

Я побрёл домой. У меня болела спина. Я знал, что скорее всего опять буду мочиться кровью.

*Take care, bro (англ) – Будь здоров, братишка

По почкам мне настучали дружки тех бандитов, у которых мы отбили Джорджа. Кроме того, мне сломали ребро, да и вообще чудом не свернули шею. Это произошло уже на следующий день после того, как мы вытащили Джорджа из той передряги. Да! Всё закончилось гораздо хуже, чем я думал.

ГЛАВА 5

Около 10 часов утра, когда самый верхний слой асфальта начал размягчаться от жары, я вышел из подъезда на улицу — в раскаленный, пыльный водоворот транспорта и пешеходов.

Лавируя между автомобилями, я с большим риском для жизни пересек Paseo de la Reforma — центральную улицу города, где дорожные полицейские тщетно пытались навести хотя бы относительный порядок на проезжей части. Я вышел на Площадь Республики и, миновав несколько баров, из которых в любое время суток доносилось мелодичное пение гитар, добрался до гостиницы «Карлтон».

Обитель транзитных иммигрантов из СНГ в Канаду — отель «Карлтон» в столице Мексики является заведением довольно скромным. Об этом говорит хотя бы количество звёзд в его короне. Их всего три.

Четырёхэтажное здание с потрескавшимся фасадом и облупившейся штукатуркой увенчано по углам длинными рекламными щитами самого известного мексиканского пива — «Корона».

В конце девяностых годов эта гостиница пропустила через свои скромные номера несчетное число русскоязычных граждан из разных республик бывшего СССР. Всех этих достойных людей влекли сюда низкие цены и обилие земляков, а следовательно, информации, которая, как общеизвестно, стоит дороже всего.

Местные жители быстро привыкли к присутствию очень шумных чужестранцев в скверике напротив отеля и перестали принимать их за американцев, как это было поначалу.

Если какой необразованный пешеход из другого района прислушается к незнакомой речи и с усмешкой проронит сквозь густые усы: «Los gringos!» (так в Мексике называют американцев), то местный парикмахер, салон которого располагается аккуратно за парком, тут же поправит его: «No, los gusos», расширив таким образом кругозор посрамлённого пешехода.

Впрочем, более, чем пешеход и парикмахер, выгадали на los gusos окрестные виноторговцы. Эта братия сразу прониклась пылкой симпатией к странным людям, шатающимся по окрестным улицам в тельняшках, спортивных рейтузах и домашних тапочках на босу ногу, с прибытием которых торговля текилой, ромом и мескалем (род местной водки) стала приносить невиданные здесь доселе барыши.

Я вошёл в подъезд и оказался в гостиничном лобби. Путь мой лежал на второй этаж в номер 23.

— Наше вам! — отдуваясь от жары и превозмогая боль в спине, я опустился на стул. — Ну и жарища на улице!

— Яичницу будешь? Нет? Что нового в коммунальной квартире? — спросил Толян, отрываясь от приготовленной на электролитке здесь же, в номере, яичницы с помидорами, которую он с увлечением уплетал прямо со сковороды. Я неодобрительно оглядел сковородку с яичницей, которая выглядела совсем неаппетитно в столь жаркий день, и сказал:

— Комната у нас освобождается. Чесноковы визу на ПМЖ в Канаду получили. На днях отбывают.

Спустя час Толян со Светой сидели в нашей коммунальной квартире на Букарелли и обсуждали с Себастьяном, от которого, несмотря на раннее время дня, уже исходил слабый аромат рома, последние новости из жизни местной русскоязычной общины.

Чесноковы отправились на базар закупить кое-чего на прощальный ужин, который они надумали устроить вечером..

Еще утром Чесноков продемонстрировал мужскому населению квартиры двухлитровую бутылку, наполненную жидкостью зловещего ярко-красного цвета.

— Сам приготовил — похвалился он, — тростниковый спирт на ямайском чае. Ядрёная штучка! Пальчики оближете.

Мужское население осталось довольно показом. Мишель даже потрогал бутылку ладонью и поинтересовался:

— Отчего она такая тёплая?

Чеснок на секунду задумался и важно ответил:

— Реакция ж пошла.

К шести часам, когда пик дневной жары миновал, Жена Чеснокова -Роксана принялась накрывать на стол.

Вскоре все были в сборе. Не успели мы с Себастьяном и Мишелем усесться на свободные стулья, Чесноков разлил по стаканам свой тростниковый напиток и произнёс такую речь:

— Не хотела Канада нас брать! Ну, не хотела! Два раза беженцами въезжали. Оба раза отказ. Два года жизни положили на это дело, но своего добились. В плане нервов, так последние полгода на автопилоте шли. Деньги тоже почти кончились... — он в сердцах махнул рукой. — Да что я вам рассказываю, вы и сами всё прошли!

Все слушали и сочувственно кивали, налегая на салат из свежих кальмаров, которые в Мексике настолько дешёвые, что их не покупает разве только ленивый.

— Да не волнуйся ты! Тебе радоваться надо. Всё позади. Виза в кармане, — успокаивал расчувствовавшегося Чеснокова Себастьян.

— Давай, давай, наливай! — не мог успокоиться тот. — Шутка сказать — два года жизни! Два, блин, года! Жизни! Понимаете? А она одна.

Все сочувственно кивали и продолжали налегать на кальмаров.

Роксана поставила на стол большую кастрюлю душистого, цвета багряной с золотом осени борща.

— Правильный борщ, — похвалил Чесноков жену и принялся разливать.

— Мне хватит, — запротестовал Миша, — спирт же.

— А что спирт? Под такой борщ хоть антифриз, — возмутился Себастьян. — В Советской армии мы сапожный крем на хлеб мазали.

— Это зачем же? — поинтересовалась Роксана.

— А затем. Положишь на солнце — и через какое-то время алкогольные пары из гуталина переходят в хлеб. Крем соскребёшь, а хлебом лакомишься в каптёрочке потом...

Голая лампочка под потолком искрилась всё сильнее и сильнее...

У меня вдруг испортилось настроение. Я мрачно слушал разговоры, не принимая в них участия.

В памяти промелькнули последние три года. Как они прошли? Вроде, было так много событий, а зацепиться за что-то конкретное не получалось...

Уехав из родного города, я вытягивал один неудачный билетик за другим. Сначала попал в Москву, где недолгое время работал в казино, потом судьба занесла меня в Израиль. Вскоре ветер опять переменялся, и я оказался в Канаде — продавал мороженое, разносил рекламу, пилил лес...

Хорошо было или плохо? По-разному. Выходило и так, и эдак.

Опять вспомнился лёгкий прохладный ветерок, раскачивающий верхушки деревьев в монастырском парке, запах прелых листьев, лежащий под холмами Иерусалим, Лена, слегка склонившая голову набок...

Справа доносилось бормотание Чеснокова: «Два года коту под хвост, но своего добились. Попали в культурную страну. Хотя, если хорошенько подумать, чего мне там светит? Ишачить до конца жизни на какой-нибудь фабрике с семи утра...»

Женщины принялись убирать со стола. Вечеринка подошла к концу.

Той ночью я не мог уснуть. Мешали боль, духота, жужжавшие над ухом комары и невесёлые размышления. Я без конца переворачивал подушку прохладной стороной. Отчаявшись заснуть, я сел на кровати и, отодвинув занавеску, подставил пылающее лицо слабенькому сквознячку. Окно было словно рамой, заключавшей в себе холст с изображением тёмно-синего звёздного неба.

В это время года ночи здесь ясные и ночное небо напоминает тлеющий костёр, столько в нём созвездий. Я нашёл старую знакомую Большую Медведицу и невольно вздрогнул, вспомнив, как совсем недавно смотрел на неё, пытаюсь пошевелить закованными в наручники руками, чтобы восстановить кровообращение...

Я лежал на спине. Руки были скованы наручниками. Всё вокруг плыло, земля, на которой я лежал, летела навстречу падающему на неё небу.

Меня били кастетами, резиновыми палками, ногами, рукояткой пистолета. Несколько раз я терял сознание. Поначалу они задавали вопросы, пытались понять, кто я такой и каким образом оказался замешан в эту историю. Потом просто молча колотили, как боксёрскую грушу. Это была месть за вчерашний вечер. Я перешёл кому-то дорогу, нарушил чей-то тщательно разработанный план, и наказание пришло очень быстро. Кто-то тронул какие-то рычаги, и машина пришла в действие. Я знал, что вмешиваться в чужие дела нельзя, винить нужно было себя одного, а надеяться не на кого.

Я потерял чувство времени и пространства, боль от ударов давно притупилась и не была такой острой, как поначалу. Надо мной раскинулось бескрайнее звёздное небо, навстречу которому я летел, как казалось, широко раскинув руки.

«Ну вот и всё, — думалось мне, — казалось, впереди долгая жизнь, а всё резко оборвалось. С момента рождения мы идём навстречу смерти. И то, что с нами происходит, подчинено финалу. Мы тщетно ищем смысл жизни, а он заключается в том, чтобы Судьба привела тебя на место, где ты испустишь дух. Вся событийная связь выстроена так, чтобы привести нас к этому месту. Мне было суждено, чтобы это произошло в Мексике. Я не мог этого избежать. Вот в чём заключался весь смысл моих скитаний. Судьба разработала такой сложный алгоритм, чтобы я добрался сюда. Всё остальное было вторичным...»

«Взяли» меня неподалёку от дома. Это произошло около трёх часов дня. Я вышел из подъезда. К тротуару подъехала полицейская машина. Водитель остался за рулём, а четверо полицейских очень быстро втащили меня в салон и, положив лицом вниз на заднее сиденье, уселись сверху, так что я не мог пошевелиться.

Мы ехали минут сорок. Я чуть не задохнулся от тяжести и запаха пота. За городом меня вывели из автомобиля, накинули на голову мешок и, сковав руки наручниками, пересадили в другую машину. Я не видел, что происходит, но судя по ощущениям и обрывкам разговоров, которые улавливал, полицейские передали меня заказчикам.

Машина тронулась и спустя ещё полчаса остановилась. Меня выволокли, сняли мешок и, уложив на землю, принялись бить...

Захотелось пить. Я, не вставая с кровати (комнатка была не больше кирпичного домика дядюшки Тыквы), протянул руку и нащупал на столе бутылку с водой. Она была тёплой на вкус, но я принялся жадно глотать. Утолив жажду, я лёг и быстро заснул.

Девять часов утра. Комната уже залита солнечными лучами. Самый озорной лучик подобрался к кровати, скользнул на лицо, и я проснулся. Минут десять пытался укрыться от сол-

нечного луча подушкой, потом сдался. Подхватив полотенце, я вышел из комнаты, надеясь, что опившиеся «тростникового на ямайском чае» жильцы спят мёртвым сном и обычной утренней очереди в ванную сегодня удастся избежать.

Увы. Первое, что я увидел, переступив порог и оказавшись в просторном салоне, было постное лицо Себастьяна, который восседал на стуле с мрачным видом и глядел в окно на покоившуюся старинную церковь.

Из ванной нёсся шум хлеставшей из душа воды.

— Видал, что происходит? — обратился ко мне Себастьян, у которого по утрам всегда было пренебрежительное настроение. — Уже сорок минут, гад, не выходит!

— Ого! — восхитился я. — Ты стихами заговорил. Что тростниковый спирт с людьми делает! Ну-ка давай ещё чего-нибудь про него сложи.

Но Себастьян не пожелал больше изъясняться стихами и перешёл на суровую непечатную прозу.

— А что, очередь большая уже?

— Я, за мной Чупа-Чупс...

В это время ещё одна дверь приоткрылась и из своей комнаты показалась Карина. При этом дверь комнаты она, по своему обыкновению, приоткрыла чуть раньше, чем запахла халат, и в проёме на мгновение мелькнула обнажённая женская грудь.

— Привет, мальчики! Опять какая-то сволочь с утра пораньше в душ забилась? Давно ждём?

— Ждём... — проворчал Себастьян. — Это уже не «ждём», а какая-то классическая трагедия. Если бы не твоя грудь, утро стало бы совсем пропащим.

Дождавшись своей очереди, я принял душ и, не завтракая, покинул дом. К часу дня я собирался навестить в посольство Канады, узнать — не припасено ли для меня новостей.

Взяв номерок и дождавшись своей очереди, я подошёл к маленькому и узкому, как бойница, окошку и, предъявив номер своего досье, застыл в ожидании, что ответят на этот раз.

Обычно ничего хорошего мне здесь не говорили. То утверждали, что отправили очередной запрос в Канаду, то в мою виноградную республику, то в Интерпол, то ещё куда-то. Никаких сроков не гарантировали, но если человек, прождавший несколько месяцев, решался проявить настойчивость: «Хоть приблизительно скажите, когда я могу рассчитывать на получение документов!» — ему без обиняков говорили, что если он вообще хочет что-то получить, то пусть терпеливо ждёт дома, а сюда больше не суётся, а то «отметим в досье, и ждать будете ещё пару лет».

Я знал семьи, просидевшие в Мексике по году и больше. За это время кое-кто успел родить ребёнка, кто-то сел в тюрьму за проживание без визы, кто-то перенёс операцию. Люди рождались, заболели, выздоравливали, умирали и при этом продолжали ждать.

Все жаловались на бюрократизм и беспредел канадской иммиграционной службы, но поделаться ничего не могли. Даже устроить скандал. Никакие обстоятельства не считались уважительными и не могли ускорить рассмотрение досье — ни рождение ребёнка, ни окончание срока мексиканской визы.

Порывшись для виду в бумагах на столе и заглянув в компьютер, чиновница объявила, что ответа на последний запрос пока нет. Я выслушивал это известие на протяжении шести месяцев и, не сдержавшись, поинтересовался, придёт ли ответ в течение ближайшего столетия.

Это было ошибкой. Некоторые категории людей (офицеры иммиграционных, таможенных и налоговых служб) не понимают юмора и относятся к нему крайне подозрительно. С ними не следует шутить, и не стоит им улыбаться. Нужно вести себя очень сдержанно и изъясняться односложными предложениями. Это единственный способ завоевать их нейтральное (положительного не бывает) к себе отношение. Проявление юмора вызывает у них раздражение, и тогда жди беды.

Голос чиновницы из прохладного осеннего ветерка превратился в ледяной зимний ветер, и служащая объявила, что ей об этом ничего не известно. Её слова на ходу превращались в сосульки и, падая на тяжёлый деревянный стол, с хрустальным звоном разбивались на десятки ледяных осколков.

После негостеприимного посольства всегда хотелось перекреститься и трижды плюнуть через левое плечо. Между нами говоря, и это не помогало. Поэтому я только поморщился и огляделся по сторонам.

По залитому солнцем асфальту скакали воробьи. Они клевали какие-то крошки и, судя по всему, были вполне довольны жизнью. Один из воробьёв — крупный самец с тёмно-коричневой грудкой — расставил крылья и, выпятив грудь, поскакал куда-то в сторону. Из-за угла резко вылетел велосипедист, стремительно вращающиеся колёса пронесли мимо оставившего стаю и насиженное место воробья, и заднее колесо слегка задело его.

Слегка! Этого было достаточно, чтобы он, перевернувшись, отлетел к стене и слабо, затрепетал крыльями. Остальные, вспорхнув, высоко взлетели, описали в воздухе параболу и, спланировав на высокое дерево, пронзительно зачирикали, обсуждая это происшествие. Велосипедист промчался дальше. Воробьи почирикали и улетели искать овёс или ещё какую-то дрянь. У стенки приходил в себя незадачливый воробей, которому так не сиделось на месте...

Домой идти не хотелось. Слишком ярко светило солнышко, слишком оживлённо было на улице, а в большой коммунальной квартире на улице Букарелли сейчас заспанные, с остатками зубной пасты в уголках губ женщины гремят сковородками на общей кухне.

Поразмыслив о перспективах, я отправился в зоопарк. Это заведение находилось в каких-нибудь десяти минутах неторопливой ходьбы.

В будние дни в зоопарке бывало немногочисленно. Я не торопясь прогуливался по аллеям, окаймлённым буйной зеленью тропических растений. Цветы гранаты и мушмулы, над деревьями с гудением кружились пчёлы и полосатые чёрно-жёлтые шмели.

По своему обыкновению я направился к большой вольере в дальнем углу зоопарка. Там жил старик орангутан.

Весь заросший рыжей шерстью, он с задумчивым видом философа прислонился к непроходимому стеклу, отделявшему его от посетителей, и смотрел куда-то вдаль. За его спиной в вольере «росли» огромные деревья с отлитыми из бетона стволами. Всё было ненастоящим, но старик привык к этому обману и принимал его как должное. Тем не менее по его задумчивому взгляду было видно, что он чувствует себя здесь чужим. Увы, его желания в расчёт не принимались.

Орангутан оглядел меня, и когда наши взгляды встретились, мне показалось, что в глазах у старика мелькнуло что-то вроде дружелюбного сочувствия. Вероятно, он прочитал в моём взгляде нечто подобное по отношению к себе. Мгновение — и косматый рыжий клубок, переваливаясь, скрылся в кустах и затерялся где-то среди бетонных деревьев.

Я медленно побрёл обратно, вышел из зоопарка и направился в сторону парка Чапультепек. В четыре часа дня у меня была запланирована встреча с Джорджем. Часы показывали 14:30, и я не спешил. Я закурил и опять вспомнил ту ночь.

ГЛАВА 6

Меня ненадолго оставили в покое, чтобы перекурить. Я видел, как в темноте вспыхивают и разгораются красные искорки сигарет, когда они затягивались.

«Не скисай, — сказал я себе. — Не первая передряга, и всегда был шанс, ты это знаешь».

Всё плыло. Я попытался сконцентрироваться. Наверное, это удалось, потому что я ощутил острую боль в спине и груди. Я даже охнул. У машины это уловили, там раздался смех. Я разобрал, о чём они говорили.

— Этот каброн ещё не сдох? Сейчас пойду и отрежу ему его глупую голову. Хозяин просил закончить этим. Санчес, ты прихватил мачете?

— Посмотри в машине под сиденьем.

И хотя то, что я слышал, надежды не вселяло, я ощущал боль и слышал разговор — а стало быть, вышел из полубессознательного транса, в который ушёл после сильного удара рукояткой пистолета по голове. Я попытался перекатиться в сторону. Для начала следовало перевернуться со спины на живот. Это было очень больно.

Раздался звонок мобильного телефона. Один из них ответил:

— Нола. Да, почти закончили... Осталось поставить точку. Нет? Не ставить? Почему? Ну ладно, ладно, ждём!»

Тот, который собирался отрезать мне голову, спросил:

— Что там?

— Фернандес сам едет сюда. Сказал подождать. Он будет минут через десять.

— Странно. А зачем?

— Откуда я знаю, *hermano**? Может, хочет чего-то у него узнать. А скорее всего, придумал ему новую смерть. Он же известный мастер на такие затеи. Помнишь, что он вытворил с самим Аргентинцем?

— С Аргентинцем?

— Ну да, с Аргентинцем. Его ещё называли Карнисеро**.

— А что он с ним вытворил?

— Подвесил вниз головой на дереве над самой землёй и отрубил пальцы на руках. Спустя час там собралась стая койотов, которая всю ночь грызла ему руки и голову. Здорово, правда? Покурим ещё пока.

Мне удалось, преодолевая боль, перевернуться на живот. На это ушло несколько минут, и я истратил все силы. Я лежал, уткнувшись лицом в траву, и сознавал, что ничего не могу сделать.

Время словно остановилось. Послышался шум приближающегося на большой скорости автомобиля. Вскоре я разобрал, что это не одна, а несколько машин. Они подъехали с двух сторон и резко остановились. Меня ослепил свет фар, и оставалось только прислушиваться.

Открылись и хлопнули автомобильные двери. Сразу после этого раздалась первая автоматная очередь, я узнал хорошо мне знакомый сухой кашель израильского «Узи». Вопли. Ещё несколько выстрелов. Что там происходит? Решили зачистить? Убрать всех свидетелей? Ах, в какую скверную историю я так бездарно вляпался!

Тянулись секунды. Я прижался к земле, ожидая выстрела в спину.

* *Hermano* (исп.) — брат.

** *Carnicero* (исп.) — мясник.

Меня осторожно похлопали по плечу и спросили по испански: «Хей, амиго! Ты жив?»

Я смотрел на город с высокого холма, на котором разбит парк Чапультепек. За моей спиной возвышался бывший замок первого и последнего императора Мексики Максимилиана I.

Император Максимилиан, эрцгерцог австрийский, который, на свою беду, принял предложение возглавить мексиканский престол, был казнён в 1867 году. Его расстреляли республиканцы, которых возглавлял тот самый Бенито Хуарес, изображённый на двадцатидолларовой мексиканской банкноте. Об императоре Мексики напоминает его бывшая резиденция — обширный замок на холме Чапультепек.

Массивное здание, живописно оседлавшее макушку холма, казалось мне точкой, в которую история воткнула иглу своего колоссального циркуля, чтобы провести окружность диаметром в сотни лет.

Название «Чапультепек» имеет ацтекское происхождение. На языке науатль (основной язык ацтекской группы) оно означает «Холм кузнечиков» или «На холме, где кузнечики». В доколумбовой Америке на Чапультепекке находилась система пресных водоёмов, которые питали питьевой водой главный город ацтеков Теночтитлан — столицу правителя Монтесумы и прародителя современного Мехико.

Вода шла по акведуку. Она набиралась в специальный бассейн, откуда ацтеки наливали её в сосуды и развозили по городу для продажи.

Воду транспортировали на каноэ, ибо Теночтитлан был построен на огромном озере и улицами там служили каналы. Впоследствии, после разорения Теночтитлана конкистадорами, эта водная система обмелела и почти полностью пересохла. На месте Теночтитлана — города на воде — появился современный Мехико. Иными словами, можно сказать, что Мехико находится на месте огромного исчезнувшего озера.

Чапультепек часто «всплывает» в хрониках периода конкисты. Среди прочих о нём упоминает Берналь Диас, участник военной экспедиции Эрнана Кортеса 1519 года. Он оставил интересные мемуары, детально повествующие о путешествии Кортеса с Кубы в Теночтитлан.

Я думаю обо всём этом, подставив лицо ветерку и оглядывая город сверху. Что может быть лучше этого?! Сидеть в тени, смотреть на Мехико и, никуда не торопясь, думать об истории. Нет лимитов и запретов, ничто не мешает полёту твоих мыслей. Фантазия кипит, как поставленный на огонь котёл ароматной похлёбки...

Ацтеки имели водопровод, рынки, суды, увеселительные заведения. Отрывок из письма Кортеса королю Испании Карлу V даёт представление об укладе жизни в одном из ацтекских городов, который испанцы посетили по пути в Теночтитлан:

...Он намного больше Гранады и куда лучше укреплен, а здания там такие же великолепные, и народу проживает куда больше, нежели было в Гранаде, когда её покорили, и он куда лучше обеспечен плодами земными — хлебом, птицей и дичью, речною рыбой и всяческими овощами, и всё, что там едят, очень вкусно. В этом городе есть рынок, где каждый божий день собираются более тридцати тысяч человек, кто продает, кто покупает, и это не считая многих небольших рынков, разбросанных по городу. На рынке этом есть всё, чего пожелаешь, — и всякая снедь, и одежда, и обувь, какие там носят и изготавливают, а также золотые и серебряные украшения с самоцветами и украшения из перьев, и всё содержится в образцовом порядке, как на самых известных рынках мира. Всевозможные гончарные изделия, очень красивые, не уступают лучшим испанским. Продаются в изобилии дрова и уголь, съедобные и лекарственные травы. Есть дома, где моют голову и бреют, как наши цирюльники, есть и бани. Наконец, надобно сказать, что там поддерживается строгий порядок, а люди ведут себя радушно и благопристойно, не сравнить со всем этим даже лучшее, что есть в Африке ... (Второе послание императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 года)

Судя по этим впечатлениям, речь нужно вести не об *открытии Нового Света*, а скорее о *встрече двух цивилизаций*, двух миров, двух культур. Кстати, некоторые слова из языка науатль, на котором разговаривали индейцы центральной Мексики, мы, возможно, сами того не подозревая, употребляем каждый день: шоколад (чоколатль), какао (какауатль), томат (томатль), авокадо (ауакатль). Эти слова у ацтеков позаимствовали испанцы, немного изменившие их на свой манер.

Конкиста взяла коренные цивилизации Нового Света за горло, вытряхнула из них шоколатль с какауатлем и пинком отшвырнула на обочину истории. Сохранилось множество документальных свидетельств о зверствах испанских колонизаторов по отношению к покорённым ими народам Нового Света.

Испанский монах, современник конкисты Бартоломе де Лас Касас, в своих работах «Кратчайшая реляция о разрушении Индий» и «[История Индий](#)» описывает ужасы, свидетелями которых ему довелось быть. Его труды легли в основу информационной войны, антииспанской пропаганды, так называемой «Чёрной легенды», которая использована настроенными против Испании Англией и Голландией.

Кроме «Чёрной легенды» о жестокой конкисте и мирных индейцах существует «Белая легенда» — о культурной революции, которую принесла конкиста, и жестоком государстве ацтеков, являющаяся уже версией и контрпропагандой Мадрида. Истина скрыта где-то посередине, на пересечении этих осей.

И в самой империи ацтеков происходило много такого, от чего кровь стынет в жилах. Одним из обычаев был праздник Тлакашипеуалистли — праздник сдирания кожи. Кульминацией празднества являлось массовое [жертвоприношение](#). С пленников заживо сдирали кожу, а жрецы исполняли с этой кожей ритуальные танцы.

Появился Джордж. Он молча опустил на травку рядом со мной. Мы сидели и смотрели на город внизу. Он искрился, блестел, дурачился, пускал солнечных зайчиков своими стёклами, стальными панелями, витринами и никелированными дверными ручками.

— Мехико, — со значением проговорил Джордж.

— Мехико, — согласился я.

— Поехали открывать мексиканскую кухню, hermano! Сегодня ты попробуешь тамале. Такое же тамале, каким пятьсот лет назад ацтеки потчевали Кортеса и его парней.

ГЛАВА 7

Большой Мехико имеет статус «глобальный город-альфа». С населением более 22 миллионов человек он представляет собой одну из самых больших агломераций мира. По количеству населения это образование опережает такие гигантские центры урбанизации, как Нью-Йорк, Москва, Париж, Лондон, Буэнос-Айрес, Стамбул, Лос-Анджелес и Рио-де-Жанейро.

Мы мчались на юго-восток. За рулём сидел Энрике. Когда мы покинули парк Чапультепек, Энрике встретил нас у выхода.

— Знакомьтесь, — проговорил Джордж, открывая дверь подъехавшего автомобиля.

Когда я уселся, водитель повернулся и сдержанно кивнул мне:

— Энрике, мучо густо* (*очень приятно (исп)), — представился он. Голос показался мне знакомым, но я ощутил некоторую прохладу, потому что Энрике говорил без улыбки, которой обычно сопровождается знакомство. Впоследствии я понял, что ошибался. Просто у этих людей не существовало условностей, оттого они могли показаться мрачноватыми. Но всё это мне тогда только предстояло открыть самому.

— Мучо густо, — ответил я, приняв сдержанность за холодок.

Автомобиль тронулся и резко набрал скорость.

— Едем в Тласкала, — объявил мне Джордж. — Нас ждёт славный парень по имени Херонимо. Его кухни уже готовят тамале.

— В Тласкала?! Погоди, это же другой город! Не далековато, чтобы пообедать? — удивился я.

Джордж беспечно махнул рукой:

— Сейчас нет пробок, Энрике нас домчит за час с небольшим. Верно, амиго?

Энрике пожал плечами, что, очевидно, означало «да».

За окном мелькали улицы, дома, пешеходы. На ветровом стекле плясали солнечные блики. Где-то в Тласкала нас ждал неизвестный мне Херонимо и хлопотали егостряпухи кухни. Я смирился. Не оправдать ожиданий этих, без сомнения, достойных людей было невозможно.

Джордж, словно прочитав мои мысли, довольно хохотнул и стукнул себя ладонью по колену.

— Что такое тамале?

Энрике посмотрел на меня в зеркало и улыбнулся. Мексиканцы ценят живые вопросы. Ответил Джордж — он сидел впереди:

— Кушанье народов Месоамерики. Очень древнее и, как сам убедишься, очень простое. В основе кукурузная мука. Мексиканская кухня основана на двух главных ингредиентах: кукурузе и перце чили. Кукурузные каши, лепёшки тортильяс, приправы из чили, соус моле, алкогольные напитки из перебродившего сока агавы — всё это древние рецепты местных индейцев...

— Ацтеков?

— Не только. Очень важно понимать одну вещь. Ацтеки были всего лишь одним из множества народов, населявших территорию древней Мексики. Их главный город Теночтитлан был основан всего за двести лет до прихода туда Кортеса. То есть приди испанцы всего на двести — триста лет раньше, они бы обнаружили здесь не ацтеков, а другой народ. Скорее всего, тепанеков и остатки цивилизации тольтеков. А ещё раньше здесь процветали другие народности — ольмеки, сапотекы... Я не говорю о майя, инках, потому что сейчас мы говорим о центральной части Мексики. Все хроники периода конкисты упираются в ацтеков лишь потому, что они доминировали к приходу испанцев и потому вошли в историю как хозяйева централь-

ной Мексики. Но кроме них Мексику населяли и другие народы. Ты что-нибудь слышал про миштеков, к примеру?

— Нет.

— Ну вот. Испанцы пришли сюда в тот момент, когда империя ацтеков переживала расцвет. Ацтеки мигрировали в эти края с севера. Они были завоевателями, причём агрессивными, свирепыми. За какие-нибудь двести лет они подчинили себе окрестные народы, обложили их данью, регулярно совершали набеги. Соседи их боялись.

— Массовые жертвоприношения?

— Вот именно. Целью набегов был в основном захват пленников для принесения в жертву. Ты когда-нибудь видел Камень Солнца?

— Ты имеешь в виду календарь ацтеков? Круглый диск с изображением солнца, который продаётся в каждом магазине сувениров?

— Это не календарь. Так его ошибочно именуют туристы. Правильное название La Piedra del Sol (Камень Солнца). Но по сути ты прав, это тот самый диск, глиняные или металлические копии которого сегодня повсеместно продают как сувенир. Ты разглядывал детали?

— Ну там, кажется, солнечный лик в самом центре, а по бокам какие то символы, я не особо вникал.

— То, что ты назвал «солнечный лик», на самом деле является изображением бога Солнца — Тонатиу. В руках он сжимает человеческие сердца, а вместо языка у него обсидиановый нож, который использовали жрецы во время жертвоприношений. Им рассекали грудь, а ещё вероятнее, живот жертвы и вырывали сердце.

— А зачем? Должна же была быть какая то мотивация...

— Конечно. Ацтеки считали, что после заката бог Солнца до рассвета сражается с силами зла и к утру обессиливает. Они жили в постоянном страхе, что он потеряет все силы и тогда Солнце не взойдёт и новый день никогда не наступит. Ацтеки верили, что для поддержания сил ему требовалось получать кровь. Поэтому жертвоприношения совершались так часто. Для них постоянно требовались пленные, для чего и велись войны. Ацтеки считали, что жертвоприношениями подпитывают бога Солнца, теряющего силы каждую ночь. То есть принесение в жертву было для них частью борьбы за выживание. Ну по их представлениям. Некоторые учёные считают, что каждый день совершалось до ста тридцати жертвоприношений. Представляешь, сколько требовалось пленников! Элитные части — воины орла и воины ягуара — неутомимо прочёсывали территории в поисках поселений.

Мы замолчали.

Зачем я так жадно вникал в историю совершенно чужой мне страны?

По той самой причине, по которой набросился на изучение испанского. Я полагал, что если судьба забросила меня в Мексику, в этом имелся какой-то смысл. Стало быть, я считал своим долгом постигнуть эту страну, подобрать к ней ключ, понять её народ. А если хочешь разобраться в какой-нибудь стране, путь один — учи её историю и язык.

Мы неслись по хайвею, легко обгоняя встречные автомобили. Дорога изогнулась, мы плавно вписались в поворот, и нас на мгновение ослепило солнце.

«Солнце! — подумал я с неожиданным пафосом. — Звезда, которая несёт нам свет и тепло. Что станет с этим миром, если ты погаснешь? Боже мой! Наступит вечный мрак и холод. Погибнут все формы жизни. Исчезнут леса. Замёрзнет вода в океанах. Останутся объятые жутким холодом голые скалы и пустыни, погружённые в вечный мрак».

От этих мыслей стало жутко. От них хотелось спрятаться. Я не нашёл ничего лучшего, чем извлечь из нагрудного кармана солнечные очки и надеть их.

То же самое проделали Энрике и Джордж. Нас было трое совершенно разных людей. Но ручаюсь — каждый из нас в тот момент думал об одном и том же.

Спустя полчаса Джордж указал мне на высокую гору, видневшуюся справа от дороги.

— Вулкан Попокатепетль, — сказал он. — На языке ацтеков «попока» означает «дымящийся», «испускающий дым». А «тепетль» — гора. Попокатепетль — Дымящаяся гора.

— А мы сегодня чаще называем его Эль Попо, — вставил Энрике.

— Вы оба удивитесь, — сказал я, — но название Попокатепетль знакомо мне с детства. Этот вулкан упоминался в одной популярной книге русского писателя Валентина Каверина. Книга называется «Два капитана». Кроме того, я встречал Попокатепетль в письмах Кортеса.

— Ну да?! — воскликнул Джордж. — Я начинаю любить русских писателей. Если встретишь кого-нибудь из них, не забудь передать от меня привет.

— И от меня, — сказал Энрике и добавил: — Хей, амиго! Ты не забудь!

Тут меня словно обдало кипятком! Я узнал этот голос. Я вспомнил разорвавшие ночь автоматные очереди, то, как лежал на земле, ожидая выстрела в спину. Меня осторожно похлопали по плечу и спросили по испански: «Хей, амиго! Ты жив?»

Тогда это было последним, что я услышал, перед тем как потерять сознание.

Очнулся я несколько часов спустя в больничной палате хорошей частной клиники. Как я сюда попал? Кто оплачивает моё лечение? На эти и другие мои вопросы никто не отвечал. Впрочем, меня самым добросовестным образом осматривали и лечили.

Я терялся в догадках пару дней. Наконец на пороге палаты возник тот самый мексиканец из бара — Джордж. Он и рассказал мне всё, чего я не знал.

Тревогу протрубил Себастьян Комаров, заметивший из окна, что меня затащили в полицейскую машину. Он сразу смекнул, что это не может быть ничем иным, как продолжением давешней истории. Себастьян записал номер машины и позвонил Джорджу, с которым мы обменялись координатами в тот вечер, после событий в баре «Ярдас».

Благодарный нам за помощь Джордж отнёсся к делу серьёзно и немедленно связался со своим дядей.

— Я сказал ему, что человека, который меня спас, увезли полицейские, — рассказывал он мне потом. — Ну а остальное — дело техники. У дяди всё схвачено. Везде. В том числе полиция. Он принялся нажимать на все свои кнопки, и очень скоро с теми патрульными, которые тебя похитили, уже беседовали детективы. Они быстро всё раскрутили и дали информацию дяде. Ну а он уже поднял «в ружьё» своих людей здесь, в Мехико. Они навестили «слитых» патрульными заказчиков твоего похищения. Ими оказались те самые люди, которых дядя подозревал в нападении на меня днём раньше. Одного из них заставили позвонить по телефону и сказать, чтобы тебя не убивали. После чего поехали освобождать. Тебя нашли без сознания и доставили в лучшую клинику Мехико, как приказал дядя.

— А что за люди тебя пытались похитить в тот вечер?

— Ну, тебе лучше не спрашивать меня об этом. Да я и сам не всё знаю. Мой дядя — большой человек. У него серьёзный бизнес в курортных зонах, отели в Веракрусе, Акапулько, на Ривьера Майя, в Канкуне. Кто-то решил надавить на него, захватив племянника, то есть меня. Когда всё это сорвалось благодаря тебе, решили убрать тебя. Понимаешь, ты тут всех запутал. Никто не мог понять, откуда в этой истории взялся иностранец. Дядя сам долго не мог понять твою роль в событиях. Это Мексика, а не США, здесь не привыкли к путающимся под ногами иностранцам. В итоге во всём разобрались. Тех... в общем, они получили своё, дядя ещё больше укрепил позиции. Мы с тобой живы. Вот всё, что я могу сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.